

«Полевые цветы»
Суки Флит
Книга вне серий

Переводчик/редактор/вычитчик – Валерия Стогова

Обложка – Валерия Стогова

Оформление – Наталия Павлова

Перевод выполнен для группы – https://vk.com/beautiful_translation

Аннотация:

Хави больше не верит в любовь. Любовь никогда не меняла конечный результат. Она лишь ранила.

Сэм болен, и у него есть последнее желание. Он хочет, чтоб Хави был с ним, остался с ним до самого конца. Хави бросает все и обещает Сэму быть рядом.

Во время путешествия по сельской местности в украденном «кадиллаке» аквамаринового цвета они оба ищут нечто такое, в чем ни одному, ни второму не хватает смелости признаться. Пролетают дни, и Хави начинает сомневаться, что сможет сдержать обещание. Он уже вообще ни в чем не уверен. Он не в состоянии помочь Сэму. Он не может просто наблюдать со стороны за страданиями Сэма, не может смириться и позволить Сэму сдаться.

Спасение Сэма — единственное, что имеет значение. Больше Хави ничего не нужно. Любовь к Сэму становится самым важным обещанием из всех когда-либо данных. Теперь ему только остается убедить Сэма, что жизнь — и любовь — стоят того, чтоб сражаться.

*Всем, кто когда-то любил
Где растут полевые цветы, уложи меня,
И сердце мое дом свой найдет.*

Пролог

Иногда истории — это все, что у нас осталось.

Сколько их хранится в клетках наших тел, написанных, подобно тайнам, на карте нашей кожи. Большинство из нас скорее покрыты шрамами, чем татуировками: ходячие раны, опасаящиеся того, как окончится наша история.

Некоторые из нас находят утешение в фантазиях, словно в них притаилась правда, в которую проще поверить.

Но то, что происходит сейчас, — не фантазия. А выносить реальность я больше не могу. Не могу. Мне хотелось бы прожить не такую историю. Я хочу другую, иную реальность — иную жизнь.

Разумеется, об этом я Сэму не говорю.

Когда я вообще рассказывал ему правду?

Откуда бы мне знать про различия?

Мне нравится делать вид, будто в моих словах кроется истина.

Я рассказываю ему о том, что мы будем лежать на спине среди высокой травы и пьяно раскачивающихся маков, а яркое солнышко будет ослеплять настолько, что нам придется прикрывать глаза. И лежа там, нас будут переполнять умиротворение и счастье, мы будем петь дурацкие песни темно-бирюзовому небу во всю мощь наших голосов.

Иногда мне приходится забывать, что Сэм не говорит, что я никогда не слышал его пения. Мне много о чем приходится забывать — особенно о том, что больно помнить.

Мне приходится забывать, что даже если эта поляна с полевыми цветами существует, мы никогда ее не отыщем. Время не на нашей стороне.

С каждым днем становится лишь до боли очевиднее. Истории — это все, что у нас осталось.

Глава 1

На сегодня мой словарный запас иссякает, и я замолкаю. Я не готов начинать новый рассказ. Душа не лежит — если вообще когда-нибудь лежала. Я изможден, полностью и абсолютно.

Я никак не могу найти удобное положение и соскальзываю вниз по потрепанному кожаному сиденью автомобиля, впадая в состояние, которое никогда не захватывает достаточно глубоко, чтоб называться сном. В состояние, которое никогда не позволяет мне сбежать.

— Хави?

Приоткрываю глаза. В тусклом пурпурном освещении Сэм никогда не выглядел таким измученным. Испарина тонким слоем покрывает его кожу, словно самая его суть неспешно растворяется. Я в курсе, что ему не очень тепло. В последнее время все, что он чувствует, — это холод.

— Который час? — спрашиваю я, будучи не в состоянии скрыть свою усталость. Мучительную, угнетающую усталость, для которой у меня нет маски.

— Начало пятого. — Он снова пользуется языком жестов, рука шевелится неестественно и медленно, напоминая танец робота в исполнении мима.

— Ты замечтался? Видел полевые цветы? — сонно интересуюсь я. Знаю, этот вопрос его успокаивает. Кажется, он цепляется за бессмысленный поиск этой поляны.

Да и я цепляюсь.

Он лежит на откинутах сиденье и едва заметно кивает.

Включаю обогреватель, и он закрывает глаза.

— Все хорошо, — шепчу я, рука возле его виска. — Я с тобой.

Будучи моложе, я верил, что решимость и самоуверенность помогут добиться чего угодно. Меня ничто не ограничивало, возможности были бескрайними, и я планировал изменить мир.

Но теперь мне известна истина. Я споткнулся о первое же препятствие. Можно достичь лишь того, что позволяют твои ограничения. Только вот нельзя забрать себе судьбу другого человека.

Нельзя заставить другого человека тебя полюбить или спасти его от безнадёжного, бесполезного полета в тартарары. И нельзя запретить ему умереть. Каждый из нас сам несет за себя ответственность.

Сэм умирает.

Мы не собираемся искать больницу. И он ни минуты не хочет находиться один.

Едем мы уже несколько недель. Больше всего ему подходит движение. Наверно, ему кажется, что путешествие по направлению к месту назначения предпочтительнее бесцельного ожидания прихода смерти, потому что оно похоже на упавшую с небес гирю весом в тонну.

У нас есть «кадиллак» аквамаринового цвета, украденный мной с парковки возле библиотеки, где я раньше работал. На солнце хромированные бамперы ослепляют, словно зеркала.

Завожу двигатель, опасаясь, что из-за работы обогревателя разрядится аккумулятор.

— Хочешь послушать музыку?

Сэм не отвечает. Глаза его закрыты, а лицо расслабленно. Меня охватывает паника. Прикладываю ладонь к его груди и, задержав дыхание, жду. В ушах слышу собственное сердцебиение.

Наконец-то его грудь вздымается, он глубоко вздыхает и переворачивается на бок, но руку я ни на минуту не убираю.

Включаю радио.

«Стеклянное сердце». «Блонди». Стараюсь не вслушиваться в лирику.

Позади нас быстро занимается рассвет. Я наблюдаю за ошеломляющим своими огненными цветами восходом солнца. Как он освещает стеклянные инструменты на приборной панели и наполняет автомобиль теплом и светом.

Знаю, Сэму осталось недолго — возможно, несколько дней, вряд ли недель. Про то, что будет после, я не думаю. Может, если ехать довольно быстро и забраться довольно далеко, линейная траектория времени нас обогнет и поглотит в бесконечный цикл.

Дергаю ручник, нажимаю на педаль газа, стискиваю руками руль и пускаюсь в путь.

Глава 2

Я в него не влюблен. Я не давал никаких обещаний. Может, поэтому все так горько. В нескольких километрах от нас замечаю стены города на холме. Будто по наитию, направляюсь к нему. Сэм ерзает на сиденье, он совершенно обессилен.

Было бы легче, если б я ничего не чувствовал, если б он не был красив, если б его глубокие янтарные глаза не заглядывали мне в душу и не видели прижившуюся там пустоту.

Когда мы взбираемся на холм, мотор начинает глохнуть, и я ловлю себя на том, что задерживаю дыхание и смертельной хваткой вцепляюсь в руль. Молюсь всем силам, что протекают через вселенную, чтоб наше путешествие не закончилось у черта на рогах на полпути к вершине какого-то склона.

Это путешествие наносит вред моей потребности все держать под контролем.

Несмотря на ясное небо и яркое солнце, день погрузился в серость. Я стал настоящим знатоком в определении точного времени по расположению солнца. Но минуя городские ворота и въезжая на пустые мощеные улочки, я понятия не имею, который час. Знаю лишь, что я голоден, и мне нужно справиться малую нужду.

Рядом со мной шевелится Сэм. Развернувшись в кресле, он касается меня пальцами. Молниеносно убираю руку от коробки передач — пускай Сэм коснулся меня случайно, мои эмоции все равно выходят из строя — и останавливаю машину в переулке неподалеку от кафе.

Никак не могу решить, разбудить его или нет. Ему нужен сон, пусть и лишенный спокойствия. Однако если он проснется, а меня не будет рядом, наше и без того хрупкое доверие пошатнется еще больше, чем уже есть.

Я обещал, что не оставлю его в одиночестве. Вообще.

Представить не могу, каково быть настолько отчаявшимся. Да и желания нет.

Выбираюсь из машины через опущенное окошко, чтоб не потревожить Сэма скрипом дверцы, и разминаю ноги. Прогуливаюсь до конца переулка и оглядываю улицу. Никого. Крошечный городок вымер. Но в кафе горит свет, значит, кто-нибудь должен быть поблизости.

Возвращаюсь к машине. Лежа на боку, Сэм свернулся калачиком, лицо спрятано за черными волосами. Он полностью неподвижен и глубоко спит.

Две минуты. Я отойду всего на две минуты.

Пробегаю переулок, заворачиваю за угол и дальше вниз по улице к кафе. Назад не оглядываюсь.

«МЕКСИКАНАМА. НАСЛАДИТЕСЬ ОСТРО-СЛАДКИМ ПРИВКУСОМ МЕКСИКИ», — гласит выцветшая красно-зеленая вывеска на двери. В центре большого окна стоит поникшее алоэ, но если его не считать, кафе похоже на сотни других кафешек, в которых я останавливался за последние несколько недель: аккуратные пластиковые столики, на каждом из них искусственные пластиковые цветы в чистых пластиковых вазочках.

Захожу в дверь, и где-то заливается трелью колокольчик. За стойкой появляется высокий парнишка с сонными глазами. Исподлобья на меня смотрит. Одного взгляда на него достаточно, чтоб появилось ощущение, будто из меня испаряется жизнь.

— Привет, — говорю я, силясь сделать все возможное, чтоб голос звучал радостно. — У вас есть горячая пицца?

Он качает головой.

— Ладно. А что есть?

Он указывает на стойку, где на тарелке лежит парочка неаппетитных сэндвичей.

— С чем они?

Он пожимает плечами и глядит на меня так, будто бы я сам должен знать. На это у меня совершенно нет энергии, как и нет энергии на поиски другого кафе.

— Сэндвичи с сыром, — в конце концов, отвечает он.

— Не очень-то по-мексикански, — не успев сдержаться, выпаливаю я. От него никакого толку.

Его плечи опускаются, словно мой комментарий выбил его из колеи.

— Мама в отъезде, — произносит он. — Обычно она все готовит.

Я хохочу. Ничего не могу поделать. Это даже не смешно, но его лицо такое серьезное. Вряд ли ему больше лет шестнадцати, а я оскорбил его способности в приготовлении сэндвичей.

— Вам нельзя ими торговать, — с улыбкой говорю я. Не хочу, чтоб он неверно понял, но мне нужна приличная пища. — Слушай, какие есть ингредиенты?

Мальчишка показывает мне кухню, и я приступаю к работе.

Достаточно сказать, что отсутствую я дольше двух минут, и в момент моего возвращения Сэм уже не спит.

С собой у меня солидные сэндвичи, а еще появилась возможность этой ночью поспать в кровати. Постель — это бонус, на который я не смел и надеяться. Удивительно, как нечто столь простое может придать блеска будущему. Ну, то есть до тех пор, пока я не рассказываю Сэму, а он вышвыривает сэндвич в окно. Мне казалось, он будет доволен.

Я не совсем идиот. Понимаю, почему он не рад. Он хочет продолжить поездку — ему это нужно. Вижу сожаление на его лице. Он сожалеет, что понадеялся на меня, доверился, и что я со всем этим сотворил?

Но стоит ли признаваться себе в таких вещах?

Три недели назад я его заверил, что справлюсь. Но какого хрена я вообще могу?

Глава 3

Постель находится в тусклой комнате над кафе.

Покрытые сыростью стены? Можно игнорировать. Грязные занавески, наполовину оторванные от карниза? Можно игнорировать. Потому что для меня эта кровать подобна раю.

Сэм не хочет оставаться. Он даже не выходит из машины. Я объяснил ему, что вымотался, что, несмотря на свои обещания, не смогу сидеть за рулем бесконечно.

С тех пор он со мной не общался.

Когда я сказал, что на пять минут отойду проверить нашу комнату, он даже на меня не взглянул. А теперь, стоя здесь в дверях, я чувствую себя предателем.

Киваю Саймону, моему шестнадцатилетнему изготовителю сэндвичей с сыром.

— Сделаю, — соглашаюсь я на заключенную между нами договоренность: моя помощь в кафе в обмен на комнату на ночь.

Но сначала мне нужно выкурить Сэма из чертовой тачки.

— Что с ним такое? — спрашивает Саймон, прогуливаясь со мной по дорожке до конца переулка.

Что такое с Сэмом — вопрос на миллион долларов.

Окидываю взглядом пустынную улицу.

— Моя машина здесь в сохранности?

Саймон пожимает плечами и по-прежнему выжидательно на меня смотрит.

Вздыхаю и пихаю его в проулок, чтоб из машины нас не было видно.

— Он просто болен. Он не заразен, а остальное тебе знать необязательно, ясно?

— Моя тетя — медсестра. Она живет в следующем...

— Перестань, хорошо?! — говорю я настойчивее, чем того желаю.

Коленьями опускаюсь на мощеную дорожку возле окна «кадиллака» с пассажирской стороны и стараюсь игнорировать Саймона, который до сих пор трется в конце переулка и подсматривает, хотя я велел ему возвращаться в кафе. Лбом прислоняюсь к холодному стеклу и закрываю глаза.

Когда я их открываю, Сэм приникает к стеклу с другой стороны и глядит на меня. Он так близко. Но в то же время за много километров отсюда. Он моргает.

Окно опускается, и я отхожу.

— Мне здесь не нравится, — жестикулирует Сэм. — Не хочу здесь умирать.

Всякий раз, стоит ему это произнести, в желудке у меня все переворачивается. Мне думалось, что я смогу привыкнуть, но с каждым разом становится лишь чуточку хуже.

Поднимаю палец.

— Одну ночь, — изрекаю я.

«Пожалуйста», — думаю я.

Не знаю, почему это стало столь важным, но мне просто жизненно необходимо на несколько часов растянуться на кровати. Мое тело об этом вопит.

Неужели Сэм умрет в этом пустом городишке? Наблюдая за его отражением в кафеле над раковиной, я мою грязные тарелки и стаканы, которые Саймон свалил сбоку. Уборка кухни — часть нашей сделки.

Сэм утонул в кресле возле окна, почти что свернулся в клубок. Кожа его больше не поблескивает, как было прошлым вечером. Понятия не имею, что он разглядывает. Но каждый раз вижу, как он моргает.

С каждым днем он угасает и становится слабее. С каждым днем он ест и пьет все меньше и меньше.

Это случится сегодня? Завтра?

Домыслы меня убивают. Знаю, он хочет бежать. Я и сам хочу бежать! Но я ошалеть

как устал.

Опускается вечер, несколько человек бредут по улице, отчего городок становится хоть немного обитаемым.

Саймон сидит на табурете за стойкой и что-то чирикает в огромном блокноте. Похоже на осьминога. Кажется, он избегает Сэма.

— Куда подевались все люди? — интересуюсь я.

— А?

— Когда мы въехали в город, я не увидел ни души. Было немного чудно, зато теперь повсюду бродят люди.

— О, здесь просто тихо, вот и все.

Звякает колокольчик, и дверь кафе распахивается.

Оборачиваюсь, и сердце начинает барабанить в ушах, я чувствую, что меня вот-вот может вывернуть наизнанку. Потому что там, в дверном проеме, в его волосах путается солнечный свет. И он тот, кого здесь быть не может. Тот, кто больше *не* с нами.

«Джо», — посещает меня невыносимая мысль, и тарелка, которую я намываю, выскальзывает из рук и падает на пол.

Но как только мужчина отходит от дверного проема и заходит в зал, я вижу, что это не Джо. Ничего общего, правда. То была всего лишь игра света. Меня всего лишь преследует призрак погибшего бывшего любовника.

«Черт». Таращусь на разгром под ногами. Да какого дьявола со мной творится? Оглядываюсь на Сэма, но он по-прежнему пялится в окно.

— Сай? Что происходит?

Голос у мужчины тоже не похож на Джо. Наклонившись подобрать разбитую тарелку, ловлю на себе его взгляд.

— Мне нужна помощь. Ты сказал, что помогать не станешь, — отвечает Саймон новоприбывшему.

— Это не значит, что нужно притаскивать сюда незнакомцев! Кто он на хрен такой, и как ты собираешься ему платить? — шипит он.

Кожу покалывает, я чувствую позади себя человека. Фейковый Джо стоит возле меня и ждет, пока я подниму глаза. Но я не поднимаю. Если он старается меня напугать, ничего не выйдет.

— Привет, — в конечном итоге говорит он. — Я Алекс, старший брат Саймона.

— Хави. — Киваю. Я бы протянул руку, но держу в ней разбитую тарелку. Пока не появилась неловкость, шагаю к мусорке и избавляюсь от сжимаемых мной осколков. — Саймон, — поворачиваясь, зову я, — мы с тобой заключили сделку. Но если ты хочешь, чтоб я ушел, можешь заплатить мне продуктами.

— Какую сделку? — Алекс обращается ко мне, а не к Саймону.

— Ночь в постели наверху в обмен на уборку и приготовление приличных блюд на продажу.

Мы впериваемся друг в друга взорами. Похоже на противостояние. Я подумываю бросить полотенце и уйти, как вдруг он тихо произносит:

— Ладно.

— Сэм тоже. — Киваю в сторону окна.

Вытаскиваю из машины нашу одежду и для Сэма сваливаю кучей на полу в спальне. Он никогда не спал в постели, даже когда я знал его раньше — кажется, будто это было лет сто назад.

Единственная проблема — из кровати мне его не видно. Не видно, как он общается со мной при помощи рук. Поэтому, свесившись вниз, я лежу на животе.

— Расскажи мне историю, Хави, — жестикулирует он.

— Рассказать о поляне, о полевых цветах? — Он качает головой. — Хочешь

поговорить об общине?

Там мы познакомились четыре года назад — в шестнадцатигектарной общине недалеко от моря. Даже тогда он не разговаривал.

— Нет, — произносит он одними губами.

— Сегодня ты выглядишь чуть лучше, — ласково изрекаю я, пусть это и ложь. Не понимаю выражения его лица. — Тебе больно? — Я уже спрашивал, но он так и не ответил.

Он долго удерживает мой взгляд, от чего мне становится некомфортно.

— Хочу тебя, — шевелит он губами. — Будь со мной.

Глава 4

Будь со мной.

Он уже просил меня об этом. В общине четыре года назад. И мое тело ему ответило.

Была середина октября. Лучики полуденного солнечного света проникали сквозь сломанные двери амбара, словно внешний мир был соткан из золотистого свечения.

Весь день мы собирали хворост в рощице за главным домом общины, только Сэм и я. Джо должен был помочь, но он избегал Сэма любой ценой. Его избегало большинство людей. Я не совсем понимал почему. И до сих пор не понимаю.

Мы свалили хворост за амбаром и, уставшие, устроились на разбросанных соломенных тюках, наслаждались последним вечером. Головой он улегся ко мне на колени, а я гладил его по волосам. Было бы ложью сказать, что он мне не нравился и не заводил меня. С моей стороны имело место быть простое невинное разочарование. Я ни за что не стал бы ничего предпринимать.

Я был с Джо, даже если Джо рассматривал наши отношения как свободные. Мысль о том, что он спал со всеми подряд, была болезненна, и я старался об этом не думать. Кроме того, Сэм был слишком молодым, слишком непонятым. И пусть я знал о его симпатии, влюбленность во взрослого парня, который проводит с тобой время, тогда как остальные тебя избегают, не означает, что секс — отличная идея.

Мне нравилось касаться его волос, пропускать их сквозь пальцы. Они были длинными, совсем не похожими на волосы Джо. Сэм повернул голову навстречу моему прикосновению, и в моем животе свернулось тепло, а джинсы стали некомфортно тесными.

Я уверял себя, что дело было не в нем. Мне было уютно, я был расслаблен, а он прижимался ко мне и почти прислонялся щекой к моей эрекции.

Все должно было прекратиться именно в этот момент.

И практически так и вышло.

Я отстранился и сел.

— Нам стоит вернуться. — Я сдвинулся и натянул футболку как можно ниже, но она не скрыла выпуклость в моих джинсах.

Он опустил взгляд, а потом вернулся к моему лицу.

Я вспыхнул. Не хотелось, чтоб он считал, будто дело было в нем. Не хотелось, чтоб он считал, будто я его хотел. А я хотел. Ему в лучшем случае было лет восемнадцать. Мне было двадцать четыре.

«Именно мне нужно все контролировать», — подумал я. — Он всего лишь ребенок».

Я дотронулся до его лица. Хотелось, чтоб жест был добрым и обнадеживающим, чтоб он передал: пускай мне не хотелось с ним секса, мы по-прежнему были друзьями. Но он коснулся губами моего большого пальца, и я отскочил назад, словно меня пронзил разряд электричества.

— Мы не можем. — Мое сердце трепетало.

Он вздрогнул, словно я его ударил, отвернулся и ждал моего ухода.

Мне бы подняться и отправиться на поиски Джо, утащить его в комнату и избавиться от напряжения единственным известным мне способом, но причинять Сэму боль желанием не было. Я не мог, как и все остальные, его отвергнуть.

Окружающий мир погрузился в тишину. Я слышал каждый удар своего сердца, протянул руку и развернул его лицом к себе. Наши взгляды встретились.

— Ты прекрасен, — прошептал я. — Но я с Джо. Я его люблю.

Сказать по правде, тогда я понятия не имел, что такое любовь. Даже намек на понимание не было.

Сэм сглотнул и, опустив глаза, произнес что-то одними губами, я не разглядел, что

именно.

— Что? — ласково спросил я.

На меня он не смотрел. Волосы, как занавеска, упали ему на лицо и закрывали от меня.

Нерешительно я их убрал, склонил голову и нежно поцеловал его в губы.

Они были бархатистыми. Все могло бы быть так легко. Я мог бы выкинуть все из головы. Но я отстранился.

— Мне нельзя больше тебя целовать, — сказал я.

Какими же темными были его глаза.

— Будь со мной, — беззвучно проговорил он. — Хочу тебя.

Разве в тот момент я мог отказать? Не знаю. Я уговаривал себя, что не должен поддаваться, но, может, было и наоборот.

Я неловко притянул его в объятия и вслушивался в звуки на улице. Никто сюда не входил, но не хотелось, чтоб нас застукали. Я говорил себе, что делал это не ради себя, и моя решимость, казалось, очнулась.

Я провел рукой по его животу и забрался под кофту. Кожа была теплой и мягкой, и хотя он был худым, но тощим не был. Я почувствовал, как от прикосновений кончиков моих пальцев напряглись его мышцы.

Он спрятал лицо у меня на шее и прильнул ближе.

— Ты с кем-нибудь был раньше? — прошептал я.

Я ощутил, как он покачал головой.

Боже, мне пришлось сдерживаться. В памяти всплыл мой первый раз с симпатичным мне человеком. Я припомнил, что те оргазмы по сравнению с остальными были самыми мощными.

Я прижался губами к его волосам. Мои пальцы опустились к поясу его штанов, и он ахнул — это был самый различаемый звук, что я от него слышал.

Я комично возился с пуговицами на его джинсах. Опыта в подобных ситуациях у меня было достаточно, но по какой-то причине руки дрожали. Он поднял голову и посмотрел на меня потемневшими глазами. Иногда он был так впечатлителен. Я не сомневался, что он мог бы заглянуть в самые темные глубины моей души и пролить свет.

Он отпихнул мои руки и поднялся, прямо у меня под носом стянул джинсы и лег ко мне на колени. Никогда не видел, чтоб человек выглядел столь уязвимым. Никогда не видел, чтоб человек настолько мне открывался.

Как же это меня возбудило.

Его кожа была безупречной. Тоненькая полоска темных волосков пробежала от пупка до эрегированного члена. Я задрал его кофту и увидел гладкую грудь и большие соски. Я до них дотронулся, а он вновь начал ловить ртом воздух. Мне понравился этот звук.

Я старался держать себя в руках и не касался его члена. Вместо этого я рисовал спирали на его бедрах и наблюдал, как закатились его глаза, когда моя рука оказалась в миллиметрах от чувствительной головки. Мне нравилась эта часть секса. Мне нравилось дразнящее предвкушение.

— Покажи, где ты хочешь моих прикосновений, — прошептал я, и он молниеносно обхватил в кулак свой член.

Я почти захохотал, но потом вспомнил, что он никогда раньше не играл в эту игру.

Осторожно я убрал его руку и лениво провел указательным пальцем от яичек до щелки, касался едва-едва. Он раздвинул ноги шире и, чтоб увеличить давление моего пальца, подался бедрами вверх. Не сумев смолчать, я простонал. Мне хотелось стащить с себя джинсы и улечься на него, почувствовать, как этот великолепный член прижмется к моему собственному члену. Для оргазма этого было бы достаточно.

Было невыносимо, мучительно, сладко. Каким-то образом все зашло дальше, чем я предполагал. Это уже не была быстрая, безличная мастурбация. Я не просто доставлял ему удовольствие. Я и сам его получал.

Медленно-медленно я скользил пальцем по его щелке. Его член на ощупь был теплым, влага капала на живот, и дышал он с трудом. Я мог бы сидеть с ним часами. Не хотелось, чтоб все заканчивалось, но я понимал, что мучил его.

Я крепко обхватил его член и несколько раз прошелся по нему кулаком, как вдруг он выгнул спину, затаил дыхание и излился на грудь и живот.

Мне приглянулось, с какой легкостью он кончил. С Джо всегда приходилось попотеть.

Блин! Джо.

Сэм поднял на меня взгляд, на лице было то же открытое выражение. Он улыбался и по-прежнему тяжело дышал, но улыбнуться в ответ я не сумел. Я помог ему надеть джинсы и вытер его грудь соломой. По-быстрому его обнял, а потом мы вышли из амбара. Я знал: он разглядел мою грусть, мое сожаление по поводу нашего занятия.

Глава 5

Будь со мной.

Не могу поверить в то, о чем он попросил. Перекатываюсь на спину и таращусь в покрытый паутиной потолок.

«*Черт*». А я-то думал, что заполучить кровать на ночь — классная идея. Казалось, мы сможет распластаться на постели, а не будем неуютно тесниться. Думалось, я смогу погрузиться в глубокий сон, и мне не будет сниться мой погибший любовник или умирающий друг. Но вместо этого из-за запечатлевшихся в подсознании лиц я просыпаюсь каждые полчаса.

Я ни хрена не могу сделать!

Переворачиваюсь поговорить с Сэмом, но он прикидывается, будто спит. Луплю со всей дури по матрасу и выбегаю из комнаты.

Да, я опять оставил его в одиночестве. Да, я его отверг. Да, вероятно, я испоганил ему последний шанс на секс.

Я ублюдок. На хер меня.

В крошечной ванной соскальзываю вниз по двери и всхлипываю. Но всего лишь один раз.

Я никогда не плачу.

Должно быть, я разбудил Саймона или Алекса, потому что раздается деликатный стук в дверь — это уж точно не Сэм.

На ванне висит фиолетовое махровое полотенце. Вытираю им лицо, глубоко вздыхаю и распахиваю дверь.

Алекс.

— Ты в порядке? — спрашивает он. Кажется, спать он еще не ложился.

«*Нет*».

— Да, — отвечаю я и пытаюсь, минуя его, выйти из ванной. Но он преграждает путь.

— Ты вроде как расстроен.

Как будто я сознаюсь. Я его даже не знаю.

— Я в порядке, — жестко бросаю я.

Он пожимает плечами и отходит с дороги, вопросительное выражение исчезает с лица.

— Я приготовил кофе...

Обдумываю ситуацию: сейчас раннее утро, и я практически незнакомец, но судя по тому, как Алекс осматривает меня с ног до головы, полагаю, он прощупывает почву. Пожевываю губу.

— Ладно, — говорю я. Ниже пасть уже невозможно.

Одноразовый секс никогда не был моей фишкой. Это немногим лучше мастурбации. Но я не хочу возвращаться в комнату и лежать без сна, меня сожрет чувство вины. Хочется забыться. Пусть даже на минуту белого шума — звезд я не жду.

Следом за ним иду в его комнату. Насчет кофе он не обманул. Он передает мне чашку, а я осматриваюсь. Здесь на удивление опрятно и чисто. Ну, может, и не на удивление. Появляется ощущение, что он, как и я, любит все держать под контролем.

Интересно, как все обернется?

— Куда вы направляетесь? — Он садится на кровать.

Я же остаюсь стоять, хотя жестом он показывает присаживаться рядом.

— На поляну, — отзываюсь я. — Недалеко от моря. — Это звучит лучше, чем «не знаю, мы едем бесцельно», что в некотором смысле правда. Мы же ищем поляну полевых цветов.

— Вы почти добрались. До моря, то есть. Оно в двадцати минутах езды. Только вот с момента аварии главную дорогу перекрыли.

— А другая дорога есть?

Он качает головой.

— А эту скоро откроют?

— Сомневаюсь. Земля разверзлась и поглотила большую часть дороги. Сейчас въехать в город и выехать из него можно только по одному пути. — Он допивает последний глоток кофе и ставит чашку на комод рядом с постелью. — Меня поражает, что на въезде вы не видели знаков.

Ставлю свой недопитый кофе рядом с его чашкой и, не давая ему возможности себя предвосхитить, опускаю ладонь ему на грудь и подталкиваю на спину.

Он пугается, но сопротивления не оказывает.

Забираюсь на кровать и становлюсь на колени. Он хватается меня за плечи и льнет ближе, словно хочет поцеловать, но я качаю головой и выворачиваюсь из его хватки.

— Презервативы и смазка есть?

Он кивает, тянется вбок и открывает маленький ящик. Меня немного удивляет, что, несмотря на все позерство, он с такой легкостью подчинился.

Не хочется признавать, но в глубине души я надеялся на борьбу, чтоб утихомирить эту отчаянную потребность себя испытать, что рыщет внутри меня, как изголодавшееся животное.

Переворачиваю его на живот. Для прелюдии я не в настроении и совершенно точно не хочу видеть его лицо. Он стаскивает штаны, а я зубами рву пакетик из фольги. У меня довольно острые резцы. Бывало, Джо говорил, что, улыбаясь, я походил на вампира. Как ни странно, мысли о нем не лишают меня эрекции.

Свободной рукой глажу Алекса под кофтой по спине и наношу щедрое количество смазки на свой набухший член, а потом лью еще больше на ладонь.

Обвиваю рукой его грудь, ставлю на колени, и он постанывает. Вновь нежно глажу его спину и наблюдаю за языком его тела. Не хочу его пугать. Хочу до него донести, что он может мне доверять, и я останавлиюсь.

Тяжело дыша, он упирается руками в кровать и опускает голову. Я рисую маленькие кружки у него на пояснице.

— Ты же делал это раньше? — спрашиваю я.

— Прикалываешься, да? — Я улыбаюсь. — Начинай уже, — хнычет он.

Опускаю руку все ниже и ниже по его спине, потом по складке между ягодиц, и он тяжело вздыхает. На секунду прижимаю палец к его входу. Потом покрываю смазкой и проталкиваю внутрь. Он по-прежнему напряжен, сопротивляется вторжению. Обхватываю его набрякший член и не спеша ласкаю. Так-то лучше. Скольжу пальцем глубже и добавляю второй, от чего он начинает извиваться. Медленно двигаю пальцами и доливаю все больше смазки. Внутри он становится скользким и подается мне навстречу, приветствует каждый толчок. Добавляю третий палец, а затем вытаскиваю.

— Ну же, *пожалуйста*, — выдыхает он.

Поглаживаю себя, наслаждаюсь ощущением скольжения, а после надеваю презерватив. Прижимаюсь к нему и проникаю внутрь. Он толкается навстречу и издает горловой звук. Обхватываю рукой его грудь и сажаю прямо. Мне нужно чувствовать кожу. Теплое, не умирающее тело.

Это не Сэм.

Неловко перемещаю его вперед, чтоб он мог опереться о стену, а сам на него наваливаюсь, двигаюсь резче, чем бывало за долгое-долгое время. Растерянно понимаю, что кончаю, но не могу поддаться. Я уже на грани, но не могу завершить процесс. Что-то меня сдерживает. Я не останавливаюсь. Я скользкий и потный, и тяжело дышу.

Потом я торможу.

Такого со мной прежде не случалось. В моих руках дрожит Алекс. Из его горла вырываются резкие всхлипы. А потом до меня доходит: это же я.

«Именно я рыдаю».

Отрываюсь от него и хватаю свою одежду. Алекс все еще прижат к стене, голова опущена вниз, и на меня он не смотрит.

— Прости, — вылетая из комнаты, лепечу я. — Прости.

Слишком поздно я осознаю, что наша комната как раз напротив комнаты Алекса. Сэм должен был все слышать. Кажется, меня вот-вот вывернет, и я наспех натягиваю свои шмотки. Затем мчусь вниз по ступеням, вовремя вспоминаю, что у кухонной двери нет замка, только у выхода из бара. Пинком распахиваю дверь и в переулке за кафе опустошаю желудок.

Ветерок превосходно остужает мою кожу. Ноги подгибаются, и я соскальзываю вниз по дверной раме. Вчера утром я даже помыслить не мог, что может стать еще хуже.

Как же я ошибался.

Глава 6

Несколько часов я сижу на улице, просто разглядываю почерневшие ночные облака и звезды. Я должен находиться с Сэмом наверху. Тоненький голосок в голове говорит, что он умер, что я позволил ему умереть в одиночестве, что мной нарушены все данные ему обещания. Понимаю, что рыдаю. Никогда так себя не чувствовал. Если б у этого состояния было название, я окрестил бы его абсолютным отчаянием.

Я не могу двигаться.

После смерти Джо я не плакал, разве что во сне. Мы расстались за несколько месяцев до его передозировки. И хотя почти каждый день мы общались по телефону, я не виделся с ним несколько недель.

Тогда у меня были друзья, и я упивался их сочувствием. Ходил к ним в гости и коротал время за пассивными развлечениями, готовкой и утешениями. Джо был зияющей дырой, а они ее заполнили, перебинтовали меня и лечили до тех пор, пока я вновь не стал цельным.

Сэм — долбаная кричащая пустота. Не могу я с этим справиться. Кажется, я лишаюсь рассудка.

Вовсе не потрясение я испытал, когда три недели назад Сэм пришел ко мне на работу в библиотеку. Было больше похоже, будто прошедшие четыре года испарились, и мы вернулись на ту темную дорогу за пределами общины, где ни один из нас не желал прощаться.

Понятия не имею, что со мной не так.

И понятия не имею, что не так с Сэмом — во всех смыслах.

В момент его прихода в библиотеке было оживленно. Прошла лишь половина моей смены. Увидев меня, Сэм пошатнулся и выглядел так, будто вот-вот рухнет перед стойкой регистрации. Взяв себя в руки, я вывел его на улицу, колени его подогнулись, и он действительно рухнул. Но удариться о землю не успел, я его поймал. Коллет, мой менеджер, вышла за нами следом и велела мне взять перерыв, насколько понадобится.

Помню, светило солнце, когда он рассказывал, что умирает и не хочет быть один. Я поинтересовался, в чем было дело, а он ответил, что от этой болезни умерла его мать. Он поведал, что знал: времени осталось немного. Сказал, что чувствует, как угасает.

Припоминаю, как окружающий мир потемнел, словно я закрылся, отключился. Наверно, минимизация урона. Но, возможно, уже было поздно. Возможно, весь этот кавардак начался давным-давно.

Полагаю, это началось четыре года назад в нашу первую с Сэмом встречу. В тот день мы приехали в общину. Тогда он тоже убегал.

Мы с Джо откликнулись на объявление в газете для сельхозработчих: бесплатное проживание и бесплатное питание в обмен на помощь в сборе урожая. Уже два месяца мы не платили за нашу комнатуху в городе, оба пахали на ненавистной работе за минимальную зарплату. Весь день находиться на улице, жить в компании людей на ферме возле моря... Все это показалось довольно идилличным.

Ферма принадлежала двум братьям, Тайлеру и Тому. Они оба были крупными и впечатляющими мужчинами.

Том показал нам ферму, познакомил с двадцатью другими рабочими — женщинами и мужчинами, но в основном мужчинами — и отвез нас в поле, где стояло длинное, низкое здание, поделенное на общежития. В конце поля вдали от здания располагался фургон.

Мы были в нашей комнате и начали обустраиваться, как вдруг с улицы послышались вопли. Собралась толпа. Сначала мне не было видно, что именно происходило, поэтому я сместился чуть в сторону, и меня уложили на лопатки. В меня

влетел темноволосый парнишка. Он был нескладный, изо всех сил старался подняться и сбежать, словно считал, что я причиню ему боль. Инстинктивно я в него вцепился. Один из рабочих, белокурый парень, встал надо мной и поволок его.

— Сволочь, — сказал он и повалил мальчонку на землю, словно тот был мешком с мусором.

Я поднялся и увидел, как он пнул съжившегося на земле парнишку.

— Мерзкое маленькое дерьмо, — бросил он, вознамерившись пнуть еще раз. Но я сшиб его с ног до того, как ему удалось хоть что-то сделать.

Мальчишка поднялся и, не обернувшись, убежал.

Джо притянул меня в объятия, и вмазать блондину я не успел.

— Успокойся, — прошептал мне на ухо Джо.

В этом месте мы были чужаками, и затевать драку было неразумным шагом. Но не мог я успокоиться.

— Он всего лишь ребенок. Где тебя научили выбивать из детей всю дурь?

Блондин усмехнулся. Он не намеревался со мной драться.

— Он положил в мою постель мертвую птицу. Он мерзкое маленькое дерьмо, — проговорил он и мимо нас пробрался в общежитие.

Я заметил, как, промчав через все поле, мальчишка оглянулся — его бледное лицо окружала копна черных волос, одежда была рваной и темной. Наблюдая за ним, я будто бы вспомнил о том, что всегда понимал, но никогда не признавал.

Небо начинает светлеть, я пробираюсь внутрь и поднимаюсь по лестнице в нашу комнату в кафе.

Сэм жив и спит. «Но дело уже не только в нем», — думаю мне. Я сворачиваюсь на полу рядом с ним и притягиваю к себе его теплое тело.

— Прости, — шепчу ему в волосы. — Если хочешь, я буду с тобой.

Знаю, сейчас он пробудился. Но он не отвечает.

Глава 7

Джо любил повторять, что некоторым людям предначертано быть вместе, но я никогда не верил в судьбу.

И я никогда не понимал, что такое любовь. До общины.

Только сейчас я могу в этом сознаться. Теперь, когда нет Джо. В то время я трусил откровенно признаться ему в своих чувствах. Например, в том, что испытываемые мной эмоции во время нахождения рядом с ним разительно отличались от эмоций во время нахождения рядом с Сэмом. Стоило довериться своему сердцу, когда у меня был шанс. Теперь слишком поздно. Теперь все хреново.

Закрыв глаза, я погружаюсь в прерывистый сон. Мне снится прошлое. Снится то, что меня преследует: в ночь нашего отъезда много лет назад Сэм стоит на темной дороге за пределами общины, а я сижу на пассажирском сиденье в проезжающей мимо него машине и удаляюсь прочь.

Мое пристрастие к выпивке превратилось в проблему, и Джо был несчастен. Однажды ночью, когда чувство вины ощущалось острее всего, он меня убедил, что самым верным решением было покинуть общину. И мы уехали.

Он считал, что проблема заключалась в общине. Ему хотелось уехать как можно дальше. Мы вернулись в город, где наши отношения продержатся несколько бурных месяцев, а потом Джо наконец-то поймет, что мое сердце было в другом месте.

Но в ночь нашего отъезда я наблюдал в треснутом зеркале заднего вида, как Сэм рухнул на колени на темной дороге, словно сваленный актом насилия. Я видел, как он свернулся в клубок. Я вынуждал себя смотреть до тех пор, пока тьма полностью его не поглотила. И до меня дошло: я что-то сломал — нечто внутри себя и нечто внутри него. Нечто непоправимое.

Флэшбэк превращается в кошмар, где я выбираюсь из машины и бегу обратно к нему, но никак не могу добраться — он постоянно остается вне досягаемости. Сцена повторяется снова и снова. Я лихорадочно вскакиваю, поднимаюсь с пола и забираюсь на кровать. Сэм растянулся возле стены ко мне спиной, покрывало позабыто. Утыкаюсь лицом в матрас и стараюсь выровнять дыхание.

Все, что я оставил ему в общине, — это письмо. И меня бесит, что я написал ему письмо. Он владел моим сердцем, а я на прощание написал ему письмо. Я даже не знал наверняка, умел ли он читать.

В том письме говорилось, что в случае необходимости он может меня отыскать. Я дал обещание помочь и не шутил, но не сомневался, что искать меня он не станет. И тем не менее три недели назад он меня нашел. Он пришел в библиотеку, и я заверил, что обещание сдержу.

«Как угодно».

В письме я указал адрес родителей — после отъезда из общины у нас с Джо не было в городе жилья, а мои родители всю жизнь проживали по одному и тому же адресу. Полагаю, именно так он и нашел библиотеку. Раньше он не выходил со мной на связь.

Понятия не имею, что за последние четыре года происходило в общине. Я даже не знаю, почему он в принципе находился в общине.

Я о стольком его не спрашивал, предположив, что, как только будет готов и если пожелает, он расскажет сам. Но о своей жизни за прошедшие четыре года я с ним не говорил. Не говорил ему о Джо, но если б он спросил, рассказал бы.

Должно быть, я отключаюсь. А когда просыпаюсь, в комнате холодно. Унылый утренний свет проникает сквозь зазор в занавесках. Поворачиваюсь к Сэму и не вижу его. Принимаю сидячее положение и пялюсь на кучу одежды. Вчера он с трудом передвигался. Он не сумел бы далеко уйти. Натягивая ботинки, проверяю под кроватью и сдерживаю

сильное чувство беспокойства, которое преследует меня после кошмара.

Кругом царит тишина. Дверь Алекса заперта, как и дверь Саймона в конце коридора напротив ванной комнаты. Шагаю как можно тише, не хочу никого разбудить. Проверяю ванную и спускаюсь по ступеням.

Сэм в кафе, сгорбился на стуле перед огромным окном и выглядит столь же поникшим, как и алоэ.

— Сэм, — шепотом зову я, но он не шевелится.

Подтягиваю стул, присев рядом с ним, смотрю туда, куда смотрит он, и гадаю, видим ли мы совершенно разные вещи.

— Хочешь, уедем сейчас? — ласково спрашиваю я.

Он едва различимо кивает.

Оставляю записку, в которой благодарю Саймона за постель. Вся эта затея с кроватью на ночь кажется одной из самых худших.

Утро промозглое, я накидываю Сэму на плечи свое пальто и почти несу его к машине. Оказавшись в салоне, он поворачивается ко мне спиной, апатичный и далекий.

«Я все еще сплю?», — задумываюсь я, и мы выезжаем на пустынные улицы.

Впереди на щите фотография в голубых и зеленых тонах — снимок поляны. Проезжая мимо, я сбавляю скорость. Поляна на фото идеальна. Именно такую поляну я и ищу. Полевые цветы размыты на фоне морской капли, бесконечной болезненной синевы, что сливается с небом. Я назвал бы это Элизиумом или раем, если б вообще во что-то верил. Подавляю угрожающий вырваться от абсурдности смешок. Но теперь я просто обязан найти это место. Откуда-то мне известно, что оно располагается где-то вдоль рухнувшей дороги к морю.

Глава 8

Алекс говорил, что море находится в двадцати минутах езды, но теперь, когда у нас появился пункт назначения, я еду медленно. Сэм не интересуется, куда мы едем — он похож на сидящее рядом привидение. Со вчерашнего дня он со мной не общается. Может, никогда больше и не будет.

«Вот и все, — думается мне. — Вот. И. Все».

Спустя три недели пуля, выпущенная им в момент рассказа о надвигавшейся смерти, наконец-то меня достигает. Внезапно я осознаю, что же это означает.

Отпускаю руль, и машина безумно мечется по дороге.

Кровь грохочет в голове и уничтожает все мысли на своем пути.

Три недели, одна адская ночь, и я...

Я уничтожен.

Каким-то образом мне удается вырулить на обочину и выкатиться из машины. Снова и снова меня выворачивает на мягкую траву до тех пор, пока внутри больше ничего не остается.

Я так запутался, притворяюсь, что все прекрасно, в то время как с самого начала этого безнадежного путешествия все было полнейшим дерьмом. Распахиваю дверь, и Сэм почти вываливается на траву.

Обнимаю его за плечи, а он с трудом приподнимает голову.

— Скажи, что с тобой, — молю я. — *Пожалуйста*. Наверняка можно что-то сделать.

Но он слишком далеко. Все слишком поздно.

— Положи меня, — резко жестикулирует он.

«Нет, нет, не здесь, — отчаянно думаю я. — Не на обочине».

Крепко зажмуриваюсь. Понятия не имею, что делать.

«Здесь речь идет о Сэме и его желаниях», — убеждаю себя.

Тащу его к брешу в изгороди, а потом на поляну. Поляна не подходит — любая поляна не подойдет — но здесь полно цветов.

Прижавшись к его груди, всхлипываю.

— Не сейчас, пожалуйста, не сейчас.

«Кто-нибудь помогите», — крутится в мозгу. Но Сэм этого не хотел. Никаких больниц, никаких докторов, никаких лекарств, никакой помощи.

Но мне нужна помощь.

— Не покидай меня, — шепчу я, прижимаясь щекой к его щеке, и чувствую, как он вкладывает ладонь в мою руку.

Я пообещал себе, что не сломаюсь. Но Сэму я не обещал.

Даже его дыхание ослабевает. Затухает. Поднимаю голову и удерживаю его взгляд. Наблюдаю, как одинокая слезинка выкатывается из правого глаза и скользит в волосы.

Он считал, что это будет романтично?

Не могу я оставить мальчишку в поле, меня хлещет ветер, небо того и гляди разверзнется. Не могу.

И не стану.

Чувствую, как начинаю заводиться.

«Пользуйся», — шепчет в голове тоненький голосок.

Что я и делаю. Позволяю гневу укрепиться. Все лучше, чем эта бездонная скорбь.

Он отпускает себя, и я на него злюсь, так охеренно злюсь за сделанный выбор, за желание меня оставить. В очередной раз. Особенно после Джо. Хочется показать Сэму, что в мире есть столько всего, ради чего стоит жить, столько всего обещано. Хочу, чтоб он попытался. Ради себя. Ради меня. И если не постараюсь, знаю, что никогда себе не прощу.

Я должен был попробовать тогда в общине. Я должен был стараться усерднее.

Не могу отпустить его без борьбы, так и не выяснив почему.

— Не могу я так поступить, Сэм, — говорю я и чувствую, как кровь, словно ветер, мчится по венам. — Ни черта не могу.

«Не могу стать свидетелем, как ты сдашься и умрешь. Что угодно, только не это».

А он сдался — это заметно по пустому зеркальному блеску в его глазах.

Было ли это моей виной? Мой отказ, моя измена прошлой ночью?

«Не ной», — шипит тоненький голосок.

Слезы капаят ему на одежду и расплываются в громадные темные пятна. Сердито вытираю глаза рукой.

Используя всю свою силу, беру Сэма на руки и несу к машине. Он ненамного ниже меня и не тяжелый, но перед лицом всего этого я слаб. Каким-то чудом я открываю дверцу машины и осторожно укладываю его на заднее сиденье.

— Останься со мной, — шепчу я и, наклонившись, прижимаюсь к нему губами.

«Сколько раз я уже лгал самому себе? — задаюсь я вопросом. — Сколько боли это принесло?».

Нежно глажу его по щеке и, кажется, воображаю, как он льнет к моему прикосновению.

«Не умирай, Сэм».

Я украл машину не ради скорости. Я украл ее ради комфорта и до настоящего момента не жалел о своем решении. В ней широкие кожаные сиденья и безупречная подвеска, и плывет она фантастически, но сколько бы я ни ворчал и ни кричал, чертова железяка чересчур медленно съедает километры. Наконец-то завидев в обозримой близости город, я вымотан.

На Сэма не смотрю. Уговариваю себя, что он по-прежнему со мной.

Убеждаю себя, что понял бы, будь иначе.

— Хватит! Ты разобьешь стекло, — говорит Алекс и поспешно отпирает дверь кафе. Он тянется к моей все еще поднятой руке, и его прикосновение приводит меня в чувство. — Что случилось? — спрашивает он. Выглядит встревоженным, будто, несмотря на мой провал прошлой ночью, ему не все равно.

Сказав, что он не похож на Джо, я солгал. Ложь для самозащиты. Те же медово-золотистые волосы, тот же настороженный взгляд, тот же вызов. Но мысль о Джо сидит в подсознании, ничтожная и ужасающе устаревшая.

— Мне нужна твоя тетя-медсестра. *Сейчас!* — Я не в состоянии контролировать отчаяние в голосе. Указываю на припаркованную на улице машину, на виднеющегося на заднем сиденье Сэма.

К двери подходит Саймон.

— Я ей позвоню. — И убегает обратно в кафе.

Возвращаюсь к машине, кладу руки на крышу и плююсь на неподвижное тело Сэма. Никогда не чувствовал себя таким беспомощным. Не проходит и минуты, как возвращается Саймон.

— Она говорит, что уже вышла.

Качаю головой. *Нет*, слишком долго.

— Отвези меня к ней.

Саймон робко забирается на пассажирское сиденье и глядит лишь на Сэма.

— Он...?

— Нет! — предупреждающе рычу я. — Куда?

Дорога занимает минуту, всего-то пара улиц. Когда мы заворачиваем за угол, тетя Алекса и Саймона выходит из двери террасного дома с тяжелой черной сумкой в руке. У

нее растрепанные рыжие волосы, и на хмуром лице отражается беспокойство. Я незамедлительно начинаю ей доверять.

Она открывает дверцу машины и склоняется над Сэмом, а потом выпускает залп из вопросов.

— Как его зовут? Он что-нибудь принимал? Когда он ел и пил в последний раз? Он диабетик? У него имеются другие заболевания?

Рассказываю все, что могу.

— Сэм, — громко зовет она. — Я Джуди. Сожми мою руку, если слышишь меня. — Потом она поворачивается ко мне. — Скорую ждать слишком долго. Поедем в больницу. Саймон? — Она ободряюще улыбается и жестом показывает Саймону отправляться к ней домой.

Саймон выглядит так, будто вот-вот отключится.

Она оборачивается ко мне, выражение лица мрачное.

— Пульс очень слабый. Я акушерка, но раньше занималась сердечно-легочной реанимацией. Я сяду рядом с ним. Езжай. Я буду направлять. Как долго он находится без сознания?

— Около пятнадцати минут, — говорю я и надеюсь, что это правда.

Она стискивает мою руку и кивает.

Джуди предупредила заранее.

Нашего прибытия ждет команда медсестер и врачей. Сэма резво переключают на каталку и увозят. Все происходит чрезмерно быстро. Меня оставляют стоять на асфальте, и единственное, что удерживает меня в вертикальном положении, — это дверца машины.

Глава 9

— Хави?

Я сижу в салоне машины, меня изумляет царящая вокруг тишина.

— Хави? — Джуди стучит в окно. От движения я вздрагиваю. Жестом она показывает мне опустить стекло. — Тебе придется убрать машину, — мягко говорит она. — Она блокирует подъезд для скорой.

Киваю, но она могла бы сказать, что весь мир поглотил пожар, и я бы ничего не услышал.

— Хави. — На этот раз тон жесткий, она сжимает мою руку.

На меня обрушиваются звуки окружающего мира. Люди, крики, машины. Сейчас середина дня, и я в больнице.

Моргаю и сглатываю.

— Куда?

— Чуть ниже по пандусу. — Она указывает на угол здания. — Поставь ее на любое пустое место внизу и положи вот это на приборную панель. — Она передает мне листок с ее именем и идентификационным номером. Ладонь по-прежнему на моей руке. — Он в бедственном положении. Делается все возможное.

Я видел достаточно дерьмовых больничных драм и понимаю, что ничего хорошего в этом нет.

— Встретимся возле рецепции. Нужно будет записать его данные.

Смотрю, как она шагает обратно в больницу, и ловлю себя на том, что испытываю странное ощущение вроде желания расхохотаться, граничащее с истерикой. Его данные? Дату рождения, место рождения, возраст, домашний адрес, ближайших родственников? О, да, именно то, что мы никогда не обсуждали. Мне вообще не известны подробности. Это какая-то неудачная шутка.

«Он не особо болтлив», — мог бы сказать я. Представляю себе выражение на их лицах.

Съезжаю по пандусу и вновь сожалею о выборе машины. Для любого пространства она чересчур громоздкая. Чувствую, как она царапает бочину новенького «форда фокуса», но мне плевать. Блокирую «лэнд ровер» и, будто под кайфом, направляюсь к стойке рецепции.

Меня спрашивают, известны ли мне его данные.

— Безусловно, — отвечаю я.

Говорю, что он на шесть лет моложе меня, родился в тот же день и месяц, что и я, домашний адрес — дом моих родителей, а ближайшие родственники... Ну, можно догадаться. Неудивительно, что в системе его не найти.

Джуди ведет меня в тихую комнату, предназначенную для людей, у которых сердце вот-вот разорвется от плохих новостей.

На лицах медсестер сострадание. Так и должно быть — это их работа, и они играют роль, пока мы, ничего не подозревающие участники актерского действия, неумолимо носимся по постоянно движущейся сцене.

Джуди ласково улыбается.

«Не говорите мне, что он мертв. Не говорите мне, что он мертв».

— Ситуация критическая, — произносит она. — Не стану врать, Хави. Выглядит все плохо. Кажется, отказал какой-то орган. Ты не в курсе, он страдал заболеванием крови?

Вспоминаю его слова о матери, что она тоже вот так вот умерла, но подробности мне не известны. Качаю головой.

— Можно мне с ним увидеться? Я обещал остаться с ним, — шепчу я.

— Ты о чем-то мне не говоришь?

Отвожу взгляд.

— Можно мне с ним увидеться? — повторяю я.

— Делается все возможное, — говорит она.

— Он не хотел умирать в одиночестве.

Она направляет меня к стулу.

— Может, нужно кому-то позвонить? — Ее лицо излучает доброту.

За последний год после смерти Джо я отдалился от друзей, что собрали меня по кусочкам. Хотелось нового старта. Хотелось, чтоб воспоминания померкли. Ну, и кому мне звонить? Я боялся вновь о ком-то заботиться, а сейчас всем плевать на меня.

«*Не ной*». Впиваюсь ногтями в ладонь.

— Моим родителям, — в конце концов, изрекаю я.

Джуди протягивает мне телефон.

— Вернусь чуть позже. — И оставляет меня в комнате в одиночестве.

Таращусь на трубку. Каждый месяц я посылал письма, но никогда не звонил. Да и телефона у меня нет. Сколько же времени прошло с нашей последней встречи? Наверно, это было еще до общины.

Каждое присланное мне письмо завершалось словами «надеюсь, мы скоро увидимся». Они никогда на меня не давили, никогда не подталкивали. Я всегда знал, что они беспокоятся обо мне и любят меня.

Набираю номер, и горло перехватывает.

— Алло? — Голос матери ни капельки не изменился.

— Мам? — зову я и подавляю всхлип.

— Хави?

Говорю с трудом. Удивительно, как трубка не трескается пополам, так крепко я ее стискиваю.

Поначалу мама паникует и решает, что болен и лежу в больнице именно я. Но поняв, что все не так, она говорит, что заберет отца с работы, и они приедут.

Вот так. Они бросают все.

Тоненький голосок произносит: «*Разве три недели назад ты сам поступил иначе?*». Но я его игнорирую и вытираю глаза рукавами.

Слаще принесенного Джуди чая пробовать мне не доводилось, но благодаря ему я чувствую себя не таким пустым внутри.

— Родители скоро приедут, — говорю я. — Но поездка займет по меньшей мере два с половиной часа.

— Пока они не добрались, я останусь с тобой.

Из-за ее слов слезы вновь застилают глаза. Она меня даже не знает.

— Иди сюда. — Она притягивает меня в объятия.

— Я совершил столько ошибок, — шепчу я и крепко зажмуриваюсь.

Мы с Джо прожили вместе всего несколько месяцев до того, как закончились деньги, и пришлось перебраться в общину. Мы оба были возрастными студентами и вместе бросили университет. С момента отъезда из дома я был одинок и не получал удовольствия от своего курса, и настолько быстро прикипел к Джо, что даже не смотрел на других. Я уговаривал себя, что Джо идеально мне подходил. Уговаривал себя, что сумею смириться с тем фактом, что иногда он падал в постель, благоухая другими мужчинами и женщинами. Ведь именно в моих руках посреди ночи он нуждался, именно меня любил. Он все время об этом говорил, и эти слова были похожи на волшебное заклинание. На удивление мне всегда хорошо удавалось игнорировать кое-какие моменты, притворяться, что я могу справиться, хотя на самом деле не могу.

Когда я рассказал родителям о положении вещей, они были разочарованы. Они

сделали все возможное, чтоб меня не расстраивать. Но я знаю, они считали мой выбор ошибочным. Наверно, меня пожирало чувство вины. Звонил я им все реже и реже, а затем прекратил вообще.

Джуди отыскивает одеяло и укрывает меня, а я сворачиваюсь в клубочек на самом большом стуле. Чувствую себя столь же хрупким, как сгоревшая бумага, как пепел, жду, что меня развеет внезапным порывом ветра.

Боюсь спрашивать, как дела у Сэма, держусь за надежду, что она сказала бы, если б произошло нечто ужасное.

— Пойду узнаю, есть ли новости, — говорит она, словно сумела прочесть мои мысли.

Никогда еще не чувствовал себя настолько утомленным и опустошенным. Впадаю в прерывистую дремоту, где фрагменты снов, как эхо, вытекают один из другого. Джо становится Сэмом, лежит в том поле, и на него обрушивается небо. Сэм говорит голосом Джо, рассказывает мне истории, что я рассказывал ему, не произнеся ни слова, сообщает, что ревнует, и, в конце концов, крепко меня обнимает, потому что боится отпускать.

Я подпрыгиваю, когда распахивается дверь, и быстро входит Джуди.

— Его увезли в реанимацию, — изрекает она. — Он начинает стабилизироваться.

Вытаращиваю глаза, и меня охватывает облегчение, словно река выходит из берегов.

— Но он еще не выкарабкался. Пока не удалось выявить, что конкретно не так. Почки нормально не функционируют, — продолжает она. — Сейчас ему переливают кровь.

Поднимаюсь.

— Можно его увидеть?

— Пока нет. Есть кое-что еще... — Она долго и тяжело на меня смотрит. — Возле рецепции двое полицейских. Они задают вопросы о твоей машине.

Глава 10

Моя машина. *«Черт»*. Провожу рукой по волосам и, чтоб не смотреть на Джуди, закрываю глаза.

«Не сейчас, блин, не сейчас».

— Вы с ними общались? — тихо спрашиваю я. Знаю, нельзя надеяться, что она не сообщит им, где я. Это может ей стоить рабочего места. Мне нужно знать положение дел.

— Еще нет, — бросает она. — Машина не твоя?

Не спеша качаю головой.

Никогда прежде я не крал машины. Оправдание дешевое, знаю, но я так поступил ради Сэма. Он хотел движения. Ходьба причиняла ему боль, и мы нуждались в уединении — ему нельзя было застревать в поезде или автобусе. Машины у меня не было, денег не было, а «кадиллак» несколько дней простоял на одном и том же месте возле библиотеки. Ключи были воткнуты под передний подкрылок. Я сказал себе, что верну ее, но в суде это вряд ли зачтется.

— Я с ними поговорю, — безропотно лепечу я. Знаю, за этот поступок мне придется нести ответственность. — Но сначала мне нужно увидеть Сэма.

Мне надо с ним встретиться, а потом уж разбираться со всем остальным.

Джуди щурится и делает глубокий вдох.

— Я, правда, не понимаю, что сегодня на меня нашло, — загадочно произносит она. — Поднимись по лестнице и по знакам дойдешь до реанимации. Позвоню и скажу, чтоб тебя ожидали. Но надолго там оставаться нельзя. — После этого она ускользает в коридор и скоренько исчезает через двери приемной.

Возле стойки рецепции стоят двое полицейских и разговаривают с довольно раздраженным медиком. Быстро направляюсь к лестнице.

Коридор отделения реанимации пуст. Приглушенный дневной свет проникает сквозь ряд окон, и кажется, будто время течет медленнее. Стараюсь держаться в тени, отчаянно желаю добраться до места назначения и вместе с тем мечтаю идти к нему всю жизнь. «Я сумею пережить ненависть Сэма из-за приезда сюда, — внушаю себе. — Главное, чтоб он был жив для того, чтоб испытывать ненависть». И тем не менее я не хочу, чтоб он меня ненавидел. Он настолько простой и бесхитростный, что его ненависть будет в разы страшнее ненависти других людей. Пути назад не будет, будет негде спрятаться и обмануть себя, что у меня есть еще один шанс.

Рука зависает над кнопкой интеркома, и минута превращается в три.

«Не тяни. Он все равно в отключке», — выдает голосок. Но я не хочу! После этого мне придется сдаться в руки полиции. Нужно, чтоб он меня увидел, чтоб знал, что я его не бросил.

— Вы в порядке? — Из-за раздавшегося сзади голоса я подскакиваю.

Мне улыбается медбрат с симпатичным круглым лицом, должно быть, он мой ровесник.

— Я... пришел повидаться с Самиром Фаруки, — поясняю я.

С Сэмом.

Его имя — единственное, что мне доподлинно известно.

В общине Сэм ночевал в маленьком фургоне в дальней части поля. Вскоре после инцидента в амбаре он водил меня туда, к тому моменту мы были знакомы довольно долгий промежуток времени. Полагаю, к тому времени он полностью мне доверял. Вещей у него было немного, лишь несколько смен одежды, бумага и старая книга. Все было в грязи. Было больно, что никто за ним не присматривал.

Черт, до сих пор больно.

Единственное, о чем он переживал, — это книга. Он прятал ее в дыре в стене под

кроватью, на которой никогда не спал. В тот день в фургоне он протянул ее мне. Меня тронуло, что он доверил мне нечто столь для него важное. Он внимательно наблюдал, как я ее разглядывал, словно ждал реакции. Но я пребывал в недоумении. Размером книга была с мою ладонь, а твердая красная обложка была разодрана, буквы, бывшие когда-то золотистыми, почти полностью стерлись. Более того, книга была на иностранном языке. Сейчас-то я в курсе, что это был фарси, а книга была эпической поэмой. Но тогда я был невеждой и понятия не имел, что искал. Я видел нетерпение Сэма. В конечном итоге он отпихнул мои руки и открыл книгу на последней странице. В правом верхнем углу на английском было аккуратно выведено имя. Его имя. Самир Фаруки. Он улыбнулся.

Присев на провисшую маленькую койку, я произнес его имя вслух.

— Самир Фаруки. Похоже, ты должен стать поэтом. — И я немного кокетливо ухмыльнулся.

Я знал, что должен был остановиться, особенно после случившегося в амбаре. Но ничего не мог поделать. Мне нравилось, что он застенчиво склонил голову.

Его имя многое объясняло. Оно объясняло его экзотический внешний вид: огромные темные глаза, непослушную копну волос, почти бескровную бледную кожу.

«Перс, иранец». Хотя это все равно не объясняло, что он делал в общине.

— Сохрани это в тайне, — прожестикуюлировал он.

Я приложил руку к сердцу и кивнул. И я сохранил. До настоящего момента...

Медбрат набирает код на замке.

— Вы родственник?

Стоит сказать «да»? Мы похожи на родственников?

— Джуди Тейлор должна была сообщить, что я приду, — увиливаю я.

Симпатичный медбрат исчезает. Дверь захлопывается.

— Хави, верно? — раздается его голос из громкоговорителя интеркома. — Бойфренд Сэма?

— Д-д-да, — ошеломленно заикаюсь я.

Как я могу сказать «нет»? Если меня считают его парнем, значит, с большей долей вероятности позволят с ним видаться. Уверен, Джуди именно так и думала.

Дверь открывается, и я следую за медбратом в тускло освещенное помещение. Сюда солнечный свет не проникает. Зато можно скрыться в тени. Проходя мимо, стараюсь не пялиться на лежащих на койках людей, стараюсь не подсчитывать количество отходящих от них трубочек.

Медбрат останавливается примерно на полпути по коридору и входит в палату напротив сестринского поста. Внутри три кровати, все подключено к гудящим и пикающим аппаратам. Я стою в дверном проеме.

Кровать Сэма ближе всего к двери. Он выглядит таким хрупким, таким молодым. Залегшие под глазами огромные черные тени провоцируют мысли, откуда у него могли взяться синяки. Подхожу ближе, подмечаю окружающие его проводки и оборудование, в рот вставлена трубка, а на аппарате над головой мерцает сердцебиение. Сейчас ему, возможно, года двадцать два, но все равно он такой же, как в нашу первую встречу.

— Когда он очнется?

Симпатичный медбрат пожимает плечами.

— Иногда на это нужно время, — говорит он и оставляет меня в одиночестве.

Касаюсь краешка кровати Сэма. Так легко можно затеряться в воспоминаниях. В тот день в фургоне, когда он показал мне книгу, я должен был понять, должен был осознать...

Я по-прежнему размышлял о его имени, мысленно повторял снова и снова, как вдруг Сэм забрал у меня книгу и убрал ее в тайник.

— Хочу показать тебе кое-что еще, — прожестикуюлировал он.

Я не мог не разглядывать миллиметр обнаженной кожи, когда он нагнулся и потянул одеяло, которым была застелена его кровать. Меня посетила мысль, что он делал это нарочно, чтоб меня соблазнить. Но Сэм так не поступал. В любых манипуляциях он был совершенно невинен.

— Сколько кроликов! — воскликнул я и уставился на клетку на краешке кровати.

Он гордо поднял шесть пальцев.

— С тех пор, как они были... — Пальцами он показал примерно десять сантиметров. В тот момент кролики были уже гораздо, гораздо больше. — Нашел их мать в капкане. Ей было больно. — Он покачал головой, взгляд был печален.

— Но как ты их кормил? — Естественно, крольчатам требовалось молоко.

Он продемонстрировал мне чистый лоскуток, миску и пустую бутылку из-под молока. Он показал, как наливал молоко на лоскуток, и оно медленно капало.

— Ни за что не додумался бы, — сказал я. — Очень умно.

Я действительно был впечатлен. Я не вел себя с ним снисходительно.

— Однажды у меня была птичка со сломанным крылышком, — жестами рассказал он. — Но Тревис бросил в нее камень, и она не сумела улететь. Он ее убил.

Говоря все это, Сэм не смотрел мне в глаза, от чего поначалу было сложно понять.

Тревис. В мой первый день здесь он швырнул Сэма на землю и пинал. Мертвая птица в его постели.

Я придвинулся ближе и обнял Сэма за плечи. Вздохнув, он приник ко мне.

Желать его было неправильно, но, черт, я испытывал к нему столько нежности. Выходит, я смешал две различные эмоции?

Подобным образом мы просидели очень долго, и руку мою начало покалывать. Я немного сдвинулся и ею пошевелил, чрезмерно наслаждался прикосновениями, чтоб от него оторваться, а он развернулся в моих руках и неловко меня обнял.

«*Это всего лишь объятия*», — размышлял я и начал отодвигаться назад, пока не прислонился к стене, и притянул к себе Сэма. «*Всего лишь объятия*», — напомнил я себе и погладил его по спине. Почувствовал, как его бедра прижались теснее, когда я добрался до пояса его джинсов. Всего лишь объятия... Только вот член мой набух как черт знает что, я неспешно проигрывал битву со своим самоконтролем.

Он дышал мне в шею, а мягкие губы едва уловимо касались кожи. Руками он крепко сжимал мои плечи, эрекция требовательно прижималась ко мне. Я чувствовал пальцами, что мышцы его спины, словно спиралевидные пружины, готовились ослабить напряжение под давлением моего прикосновения. Я подмечал каждое крошечное движение его тела, все места, которых мы касались через одежду. Как же я его хотел... даже мысли о Джо не сумели меня разубедить. Я прильнул лицом к его плечу и окунулся в сладкий мускусный аромат.

— О, черт, Сэм, — прошептал я.

Медленно он поднял голову и проникновенно на меня посмотрел.

— Ты не хочешь этого делать, — губами проговорил он.

Я понятия не имел, то ли покачать головой, то ли кивнуть. Жаль, он не предоставил мне выбора.

Его губы были так близко, такие полные и бархатистые. Хотелось выяснить, каков он был на вкус, хотелось ощутить его язык у себя во рту.

— Ты не хочешь этого делать, — повторил он.

Сидя на шаткой постели, я держал его в руках и знал, что это не было правдой. *Все*, чего я хотел, — это быть с ним.

Я подался ближе и очень-очень нежно дотронулся до него губами, словно мы целовались сквозь вуаль. Его руки погрузились в мои волосы, удерживая меня на месте, наши губы недвижимо прижимались друг к другу. Я медленно приоткрыл рот и провел

языком по его нижней губе. Глаза его были зажмурены, словно он молился. Слегка отклонившись назад, я заметил слезы на его щеках.

— Сэм? — шепотом позвал я и ласково вытер слезы большим пальцем.

Но он притянул меня за голову к себе и чувственно поцеловал приоткрытыми губами, наши зубы столкнулись.

Еще никогда меня не целовали столь отчаянно. Пальцами я ощутил, как слезы орошали его щеки, он ахнул, всхлипнул и глотнул воздуха.

Почему он плакал, мне думать не хотелось. Хотелось лишь, чтоб он перестал. Хотелось остановить его боль своими губами, языком, эмоциями, что сидели внутри и порывались вырваться наружу. Но, в конце концов, он неконтролируемо разрыдался, а я обвил его руками и целовал волосы.

В тот вечер, когда я вернулся в нашу комнату, Джо спросил, где меня носило. Меня не было несколько часов. Я знал, что в выдуманную историю он не поверит, поэтому честно признался, что был с Сэмом. Лгать все равно не хотелось. Я был сыт по горло. Был вымотан тем, что ставил под сомнение каждую эмоцию, вымотан чувством вины. Я улегся на нашу постель и накрыл лицо подушкой. Я сам себе не доверял, боялся, что слова польются из меня, как вода из переполненной ванной. Если б Джо настоял прямо здесь и сейчас, я рассказал бы ему все. Но он не сделал того, чего я ждал. Только свернулся возле меня на кровати и притянул к себе. Я припомнил, что когда-то считал, что очень сильно его любил, что не хотел причинять ему боль, что его занятия сексом с другими людьми сильно меня ранили.

Он уложил подушку на наши головы и поцеловал меня, потянувшись вниз, расстегнул мои штаны и скользнул рукой в мое нижнее белье. Не было никаких усилий, никакой борьбы за доминирование. Можно пересчитать на пальцах одной руки, сколько раз мы просто и сладко занимались любовью.

В тот вечер я напился. Становилось легче, когда я был пьян. Дни пролетали, а я пил все больше и больше.

День перетекал в ночь. Мой мир превратился в беззвездную тьму, и я больше не мог выполнять работу, которую мы должны были делать. Я не справлялся со своими эмоциями и даже не пытался распутать клубок, что свернулся у меня внутри. После того дня я лишь пытался его потопить.

Глава 11

— Нам нужно отвезти его на диализ.

Возвращается симпатичный медбрат. Я пробыл здесь практически час, просто наблюдаю, как грудь Сэма вздымается и опадает, слушаю мягкий писк и шепот всех этих машин. Сэм еще в себя не пришел.

— Разве он уже не должен был очнуться? — спрашиваю я, помогая медбрата переместить неудобный агрегат вокруг кровати.

Он качает головой и улыбается. Но чуть раньше я подмечаю, как он тревожно хмурит лоб.

— Позвоните попозже, и мы дадим вам знать, как он, — произносит он.

Сжимаю руку Сэма и ухожу, решаю вернуться как можно раньше.

Внизу полицейских нет. Направляюсь в маленькую комнатку, куда меня водила Джуди, но сквозь стекло вижу, что там все занято. Я уже намереваюсь усесться на жесткий стул возле рецепции, как вдруг к стойке подходит Джуди с двумя большими сумками.

— Вот ты где! — замечая меня, восклицает она.

— Я спустился сдаваться, но полиции нет.

Дело не в том, что я жажду ареста. Просто хочется с этим покончить. Чем скорее со мной побеседуют, тем скорее я вернусь к Сэму.

— О них не беспокойся, — радостно отзывается Джуди. — Я надеялась, ты купишь мне кофе в кафе, и мы отпразднуем. — Она заговорщицки подмигивает.

— Ладно, — говорю я, абсолютный невежда в конспирации. — С удовольствием купил бы вам кофе, но все деньги, как и вещи, остались в машине.

Джуди улыбается, словно ей известно нечто такое, чего не знаю я.

Больничное кафе переполнено. Джуди заказывает кофе для себя и горячий шоколад для меня. Мы садимся за столик возле выходящего на парковку окна. Кажется, больничная парковка вмещает лишь процентов восемьдесят автомобилей. Чувствую, как она что-то толкает ко мне под столом. Сумки. Вопросительно на нее гляжу.

— Думаю, они твои, — говорит она.

Открываю одну из них и заглядываю внутрь: моя одежда, одежда Сэма, музыка, листовки, всякий мусор. Она протягивает мой кошелек и все деньги, которыми я обладаю, что к нынешнему моменту не так уж и много.

— Что? — открыв рот, спрашиваю я.

— Удалось забрать ваши вещи у того парня, что подвез нас до больницы на украденном «кадиллаке». Оказалось, он припарковался на стоянке для персонала перед «лэнд ровером» консультанта и использовал идентификационный номер с бейджа, который я уронила. Должно быть, он хотел, чтоб его поймали. — Она улыбается. — Кажется, у полиции есть дела поважнее, чем гоняться по больнице за исчезнувшим автомобильным вором.

Молча на нее таращусь, а она подмигивает, глаза озорно поблескивают.

— Почему? — интересуюсь я. Меня переполняет благодарность.

Выражение ее лица изменяется. Она вновь собрана и полностью серьезна.

— Я не верю, что ты плохой человек, Хави. Ты всего-навсего принял несколько неверных решений. Полагаю, ты считал, что причины были достойными. Сейчас моему сыну было бы примерно столько же лет, сколько и тебе. — Она натянуто улыбается, но больше походит на гримасу. — Они с Алексом, моим племянником, были лучшими друзьями.

Она смотрит в другой конец кафетерия, глаза стеклянные. Появляется ощущение, что ей нужна просьба продолжить рассказ.

— Что случилось с вашим сыном?

— То же, что случается с большинством людей. Они принимают неверные решения, оказываются не в том месте не в то время. — Она опускает взор на руки. — Он уехал по обмену в Испанию, последний школьный год. Он любил языки.

Замечаю, что она начинает расстраиваться.

— Вы не обязаны...

— Все хорошо. Я хочу рассказать. Он был хорошим парнем. Всегда представляла себя в окружении детей, но у меня был всего один ребенок. — Она нервно отхлебывает кофе и затягивается сигаретой. — Однажды ночью он принял наркотики, не понимая, что делает, и попытался перебежать оживленное шоссе. Его сбили и скрылись с места аварии... Камера зафиксировала все происшествие. Но... — Она замолкает, глаза наполняются слезами. Я опускаю ладонь на ее лежащую на столе руку. — На видео с камеры можно увидеть, как его сбивает машина, как он лежит на земле, а потом женщина останавливает машину и выбирается ему помочь. На видео она сидит рядом с ним на коленях и держит за руку. И... знать, что во время смерти рядом с ним хоть кто-то находился — он умер к моменту приезда медиков — что он не был в одиночестве... это утешает. Я пыталась ее отыскать, поблагодарить, подавала запрос на национальное радио, но... иногда люди не хотят, чтоб их нашли. Поэтому для меня твое обещание остаться с другом, чтоб он не умирал в одиночестве, кое-что да значит.

— Спасибо, — говорю я.

Глава 12

Дезориентированный, я просыпаюсь в сестринской комнате, где спал, вытянувшись на стульях. К счастью, в помещении пусто. Джуди оставила меня здесь, чтоб минут пять я смог вздремнуть, а сама отправилась готовиться к смене в родильном отделении. Но, похоже, проспал я дольше пяти минут.

Разглядываю чайник и чашки, спорю сам с собой, налить себе чего-нибудь горячего или нет, как вдруг распахивается дверь, и входят два молоденьких медбрата. Смотрю на них и улыбаюсь, потом поднимаюсь и как можно быстрее покидаю комнату.

Длинный коридор вновь приводит меня к рецепции, и уже оттуда я шагаю в реанимацию. Внутри темно, и, проходя мимо окон, все, что я вижу, — это свое отражение на сумрачном фоне. Мои пожитки Джуди заперла в своем шкафчике, жаль, я не забрал кошелек и джемпер — не для того, чтоб согреться, в реанимации не холодно. По какой-то причине в футболке и штанах чувствую себя раздетым, неопытным и уязвимым.

По интеркому меня информируют, что часы посещения подошли к концу. Мне стоит вернуться завтра.

Равносильно тому, что общаться с роботом.

— Пять минут, — умоляю я.

Тишина.

— Подскажите, он очнулся?

— Вы родственник?

— Да. — *«Кроме меня, у него никого нет».*

Вздых.

— Он еще не очнулся.

Интересно, и что мне теперь делать? Все, чего мне хочется, — это сидеть рядом с Сэмом до тех пор, пока он не придет в себя. Простит ли он меня? А если он проснется ночью и решит, что я привез его сюда и бросил?

Звоню вновь.

— Я подожду здесь. Пожалуйста, сообщите, когда он очнется.

Молчание. Опять.

«Наверно, вызвали охрану», — беспомощно думаю я и по двери соскальзываю на пол.

Никуда я не уйду. Никуда мне идти.

На рецепции Джуди оставила записку с просьбой с ней связаться, в случае если приедут мои родители, а меня поблизости не будет. Ну, меня там и нет. Я здесь.

Я был в курсе, что Джуди догадается и на мои поиски отправит людей сюда. И тем не менее меня все равно шокирует, когда, подняв голову, я вижу, что в конце рождающего эхо коридора стоят мать и отец. Секунду мы таращимся друг на друга, я подмечаю все изменения и гадаю, насколько сильно в их глазах изменился сам. На матери надето то же темное пальто с синей шелковой подкладкой, которое она носила всегда, и туфли, благодаря которым мы с ней становимся примерно одного роста. Все это настолько знакомо, что меня вот-вот согнет в бараний рог.

Не знаю, кто из нас делает первый шаг, но я почти приподнимаю ее над полом, у обоих глаза сухие, зато полно эмоций. Отец же, как обычно, стоит в сторонке.

Теперь они рядом, и как бы ни был сломлен, я осознаю, что порядком по ним соскучился.

— Простите, — шепчу я, словно это необходимо.

— Женестьева передает, что любит тебя, — шепчет мне на ухо мать, и я всхлипываю громче.

Женестьева — моя старшая сестра.

— Как она? — Отстраняюсь и разглядываю их лица.

— У нее все отлично. Живет всего в полутора километрах от нас, так что видимся мы ежедневно.

Они сообщали, что несколько недель назад она перебралась в субсидируемое жилье, но из-за всего случившегося и того факта, что адреса у меня не было, писем я больше не получал.

— Справляется?

Мама кивает. Вижу, как ей больно, хотя она должна бы быть довольна, что Женестьева живет самостоятельно. Именно этого они всегда для нее и хотели. Она родилась с обмотанной вокруг шеи пуповиной, и кислород перестал поступать в мозг, что обусловило трудности с обучением и полную потерю слуха. Язык жестов я выучил еще до того, как научился говорить вслух.

— Как Сэм? — наконец-то спрашивает мать.

Закрываю глаза. Не могу лицезреть беспокойство на ее лице.

— Еще не очнулся. Он должен был прийти в себя. Они не понимают, что с ним не так. Не хочу, чтоб он умирал, мам, — шепчу я, и она нежно обхватывает мою голову ладонями.

До меня долетает приглушенный голос отца, он говорит по интеркому с медсестрой.

— Вы идете? — через пару минут зовет он.

Понятия не имею, что он наболтал сестре, но вот собственно и она, придерживает для нас дверь и прикладывает палец к губам.

— Две минуты, — говорит она.

Сэм выглядит точно так же, как и раньше, сломленным и хрупким. Мать убирает прядку его непослушный волос и, наклонившись, целует в лоб. Словно они знакомы. И я мечтаю их познакомиться. Кроме нее, никто в моем присутствии не проявлял к нему симпатию.

Пробегаюсь пальцами по тыльной стороне его ладони, а потом осторожно сжимаю его руку в своей руке.

Глава 13

Глубоко за полночь я нахожу место для ночлега. Родители давно уже уехали в отель и оставили мне, похожий на кирпич, мобильник отца, на случай если вдруг позвонят из реанимации, и, полагаю, чтоб иметь возможность со мной связаться.

Смена Джуди завершилась час назад. Она предложила подыскать пустую комнату ожидания на нижних этажах, если мне хотелось немного покоя.

И вот он я, разлежусь на жестких пластиковых стульях, спина затекает. Мечтаю, чтоб время пролетело быстрее. Рядом со мной на полу лежит маленький коричневый пакет. Около трех недель назад в попытках меня найти Сэм появился в доме моих родителей. Они явно посчитали, что доверия он заслуживал, раз дали адрес библиотеки. Он оставил им этот пакет и поручил в нашу следующую встречу передать мне. Я его не открывал. Не могу. Пробегаюсь пальцами по острому почерку Сэма — мое имя зигзагообразно выведено на гладкой бумаге. Знаю, это книга. Маленькая книга.

Хочу быть с ним, независимо от результата, даже если он будет сломлен, и вылечить его шанса не будет. Это не имеет значения, важны лишь основные человеческие потребности. Сейчас он жив, а остальное не играет роли.

Хочу ему показать, что существует куча всего, ради чего стоит жить. Слова могут позабыться, им нельзя доверять, а во всем, что касается Сэма, сказанное никогда не имело значения. Можно лишь продемонстрировать.

Следующим утром я выжидаю в залитом солнцем коридоре. Чуть раньше меня нашла Джуди и сообщила, что Сэма перевели в послеоперационную палату, и это хорошо. Значит, интенсивная терапия ему не нужна. И все равно в ожидании начала часов посещения не покидает чувство, будто желудок превратился в здоровенный тяжелый узел.

Родители привезли мне завтрак и смену одежды. Кое-какие вещи из дома, из прошлого. Знаю, они заберут Джуди на обед, и я смогу побыть с Сэмом наедине.

Пялюсь на пакет в руках — он стал своего рода талисманом. Чтоб без конца о нем не размышлять, убираю его в задний карман брюк.

Ровно в одиннадцать открывается дверь, и мне говорят, что я могу войти. Сэм находится в небольшой палате в конце извилистого коридора. Медсестры сообщают, что он очнулся. Вижу, что он свернулся калачиком на боку и снова спит, одеяло наполовину откинута в сторону.

Трубку изо рта убрали, так должно быть удобнее.

Усаживаюсь на стул и жду, зная, что в запасе есть несколько часов. Спешки нет.

Не в первый раз я сижу и его разглядываю. В общине я делал так постоянно. Из окна нашей крошечной комнаты можно было рассмотреть бескрайние просторы полей и море. Сэм слонялся туда-сюда по какому-нибудь поручению или кормил найденных им самим животных и присматривал за ними. Наблюдение за ним вызывало сердечную боль: он был так прекрасен, так невинен и бесхитростен. И проведенное с ним время тоже казалось невинным и бесхитростным. Слова были не нужны. В то время я не сумел бы четко выразить свои мысли о происходившем между нами, а сейчас и не надо.

Он ерзает, тревожно и суматошно, одеяло шевелится.

— Сэм, — шепчу я, сердцебиение ускоряется.

Ни с того ни с сего ахнув, он просыпается. И недоуменно на меня смотрит. Понятия не имею, о чем он думает.

— Ты в больнице, — говорю я, хотя если он уже просыпался, то должен был догадаться. — Как себя чувствуешь?

— Дерьмово, — жестикулирует он и тут же, пряча лицо, отворачивается.

Еще один обитатель палаты беспокойно спит. Я все жду и жду, когда же Сэм ко мне повернется. Но он не поворачивается. Даже на минутку. Он наконец-то

переворачивается, и я замечаю слезы. За непонимание мне совестно.

— Зачем ты привез меня сюда? — быстро спрашивает он.

— Не хотел, чтоб ты умер. — Бесит жжение в глазах. Но я не позволю себе расплакаться. По крайней мере, здесь.

— Этого хотел я! — Ударом в грудь он делает акцент на словах. А я вздрагиваю, будто он на меня накричал. Янтарный цвет его глаз сияет ярко, как драгоценный камень.

Качаю головой.

— Не говори так.

«Пообщайся со мной, — хочется взмолиться мне. — Объясни».

Все идет не так, как планировалось. И я задумываюсь, может, оставить его на несколько минут в покое. Но стоит мне подняться, он произносит мое имя, надломленный голос сипит, словно голосовыми связками никогда не пользовались.

— Хави.

Хочется схватить его в объятия, но боюсь сделать ему больно, поэтому просто сажусь и нежно провожу пальцами по его руке.

— Я тебя не бросал, — бормочу я. — Пожалуйста, не злись. Другого способа быть с тобой я не придумал.

— Но ты уйдешь, — закрыв глаза, жестикулирует он. Слезы снова текут по его щекам. — Я так устал быть один.

— Не уйду. Обещаю... — Хочется его обнять. Слова иногда бесполезны.

Для уединения задвигаю занавеску вокруг кровати. Надеюсь, это не вызовет подозрений у медсестер. Сэм по-прежнему подключен к капельнице. Он осторожно сдвигается, и я забираюсь на постель. Так неистово хочется о нем позаботиться, все тело ноет от боли. Мы находим удобную для него позу, головой он ложится мне на грудь, а я глажу его по спутанным волосам. Уже несколько недель, а, может, и месяцев мне не было так хорошо. Черт, а, может, с того самого дня, когда я держал его в своих руках. Знаю, он все еще слаб, но отрываться от него не хочется.

— Сэм, — ласково зову я и прижимаюсь губами к его волосам. — Я так испугался. Я оттолкнул тебя. Я совершил столько ошибок. Прости.

Он переплетает наши пальцы, и мою футболку заливают его слезы.

Целую его в волосы, как и в тот вечер, когда мы целовались в фургоне, только сейчас мне нужно, чтоб все было с точностью до наоборот — эти поцелуи должны остановить слезы, а не спровоцировать. Волосы не такие мягкие, какими были в тот вечер, и каждый маленький синячок напоминает, что он нездоров, и все, чего мне хочется, — это забрать его боль.

Он вглядывается в мое лицо своими темными и полными доверия глазами, хотя у него нет причин вновь мне доверять. Я его бросил, нарушил обещания, отверг, предал чувства и изменил с долбаным незнакомцем. Закрываю глаза, и внезапно проливаются слезы.

— Ты никогда этого не хотел, — беззвучно произносит он, когда я наконец-то на него смотрю.

Мы смещаемся и лежим бок о бок. Притягиваю его ближе, подозревая, что времени до прихода сестры осталось немного.

Качаю головой.

— Я всегда этого хотел. Просто раньше был слишком напуган.

Перед уходом вытаскиваю из кармана джинсов отцовский мобильный и отдаю Сэму.

— Я куплю телефон и позвоню, чтоб у тебя был мой номер. Если тебе что-нибудь понадобится, если ты испугаешься, просто напиши, и я приеду. Я уговорю их меня впустить, ладно?

Он задумчиво кивает, поглаживает сияющую поверхность телефона.

— Можешь звонить, когда пожелаешь, и я буду с тобой на другом конце линии. Тебе не обязательно говорить. — Во всяком случае, со мной.

Нежно целую его в щеку.

— Вернусь, как только разрешат, — произношу я, хочу, чтоб этот мальчишка находился в моих объятиях, и откуда-то мне известно, что ему это тоже нужно.

Черт, я бы отдал все за возможность о нем позаботиться.

Глава 14

Проходит неделя. Сэма переводят в другую палату, в отделение урологии, и у нас вырабатывается привычная рутина: как только появляется возможность, я провожу здесь все свое время и не ухожу, пока меня не выкидывают.

В основном Сэм спит. Не знаю, стало ему значительно лучше или нет, но во время пробуждения он кажется живее и уже не такой бледный. Он по-прежнему не рассказывает, что с ним не так, хотя через день ему делают диализ.

Он дремлет в моих объятиях, как вдруг резким рывком раздвигается шторка.

Сложно избавиться от ощущения, будто меня поймали за каким-то непристойным занятием.

Легкость испаряется, стараюсь его разбудить и нарочито медленно выбираюсь из постели.

Медсестра, что сжимает в кулаке занавеску, — сестра Питерс. Она сердито на меня зыркает, но не произносит ни слова. Злобно смотрю в ответ и улавливаю, как позади меня шевелится Сэм.

— Подумала, сегодня ты мог бы принять душ, Сэм, — говорит сестра Питерс и подкатывает инвалидное кресло. — Чуть позже у тебя диализ.

Складываю руки на груди.

— Он только проснулся. — *«Вы только что его разбудили».*

— Поспать сможет позднее. — Она указывает на кресло.

— Дойду, — жестикулирует Сэм.

Перевожу ей сказанное, а Сэм трет глаза и тревожно глядит на кресло.

— Я в курсе, что ты не глухой и не немой, Сэм, — проговаривает она так, будто обращается к ребенку, и подталкивает кресло ближе к кровати.

Вряд ли он в него сядет, раз считает, что сумеет добраться сам.

— Я могу отвести его в душ, — с надеждой в голосе говорю я.

— Нет. — Сестра Питерс не отрывает глаз от Сэма и взглядом со мной не встречается. — Вы совершенно точно не можете.

Стараюсь не фантазировать о совместном душе с Сэмом и подмечаю, что он пристально меня разглядывает, выражение лица восхищенное, словно прекрасно знает, что творится в моей голове.

— Хочу принять с тобой душ, — жестами говорю я, надеясь, что сестра Питерс на самом деле не понимает.

Сэм опускает глаза, в чем легко можно заметить отголоски смущения. Флиртуя, он всегда так себя вел.

— Вам обязательно забирать его сейчас? Нельзя его отвести, когда закончатся часы посещения? — Я предпочел бы провести с ним каждую имеющуюся минуту, не важно, спит он или нет.

Сестра Питерс долго и тяжело на меня смотрит, после чего оставляет кресло-каталку на месте.

— У посетителей осталось полчаса. Но занавеска, — она тычет пальцем, — все время должна быть открыта.

Чтоб остановить смех, приходится прикрыть рот рукой.

Когда она уходит, я беру его за руку и целую ладонь.

— Может, завтра разрешат пойти с тобой в душ, — надув губы, шепчу я.

— Не хочу, чтоб ты уходил. — Выражение его лица внезапно становится серьезным.

— Все будет хорошо, — сжимая его пальцы, говорю я. — Как всегда, я останусь в больнице. А вечером вернусь. Потом посплю где-нибудь на этаже. Я всегда поблизости.

Сэм качает головой.

— Мне страшно.

Мы разглядываем друг друга. Отчаянно хочется спросить, чего он боится, но знаю, что ответа не получу.

— Тебе стоило меня отпустить, — жестами говорит он.

— Что? Ты не хочешь, чтоб я уходил, но мне стоило тебя отпустить? — Улыбаюсь, стараюсь смягчить стремительное необъяснимое изменение в его настроении.

Он хмурится и прерывисто вбирает полные легкие воздуха.

— Я этого не хотел. Я хотел... попрощаться. Хотел... — На краткий миг он закрывает глаза. — А после ты мог бы жить дальше своей жизнью.

После? После его смерти?

— Да ты, блин, прикалываешься?

Провожу рукой по волосам и поднимаюсь. Мне нужен перерыв. Но Сэм валится на кровать, плечи дрожат, и весь мой гнев испаряется, как клубы едва заметного дыма. Падаю на колени и беру его за руки.

«Черт».

— Как я смог бы тебя забыть? — Чувствую, как его слезы, подобно дождю, капают мне на пальцы. — Скажи, что ты в это не веришь.

Посетителей вновь пустят лишь через три часа. Терпеть не могу покидать территорию больницы, но мне нужно убраться отсюда. Нужно убежать.

Через несколько минут я оказываюсь в пригороде, топаю по неровной проселочной дорожке, минуя плотные зеленые изгороди, заросшие солнечно-желтыми цветущими рапсами поляны. Воздух все еще летний и наполнен пылью и жужжанием пчел.

Когда дыхание перевести уже не удастся, а ноги вот-вот подогнутся, я останавливаюсь и звоню матери с дешевого купленного на днях телефона. Мобильник отца все еще у Сэма — отец и не просил его вернуть.

Родители ночуют в отеле неподалеку от больницы. Номер забронирован на неделю. Видимся мы каждый день. Они говорят, что им нравятся этот захолустный городок, сочная зелень и умиротворенность. Здесь спокойно. Местечко довольно тихое и для смерти подходит.

Опускаюсь на травянистую обочину, трубка прижата к уху, рукой прикрываю глаза. Я нарушил обещание.

«Тебе стоило меня отпустить».

Он хотел, чтоб я позволил ему умереть.

«Прости, — думаю я. — Не смог. Не представляю как».

Усталый и эмоционально подавленный, преодолеваю пару километров до роскошного отеля родителей. Уже вечереет, и я нахожу их на залитой солнцем веранде, они пьют чай. С момента приезда впервые вижу их за пределами больницы.

Потный и абсолютно неуместный, сажусь за стол — здесь охереть как все цивилизованно.

Мы осторожно обсуждаем, что я собираюсь делать. Обсуждаем выздоровление Сэма, хотя я понятия не имею, станет ему лучше или нет. Главное — сейчас ему не становится хуже.

— Мы подумали и... Хави, если вы с Сэмом хотите поехать домой, лишь на время, пока Сэму не станет лучше, мы с удовольствием вас примем.

Как я могу сказать, что меньше недели назад Сэм недвусмысленно хотел расстаться с жизнью? Думаю, на текущий момент желания не изменились. Какими бы ни казались ей наши отношения, они односторонние.

— Спасибо, — отзываюсь я. — Я подумаю.

Но здесь не о чем думать. Можно размышлять лишь о том, что я бесконечно буду

жить в больнице, спать на пластиковых стульях и питаться фастфудом, пока не кончатся деньги. Как только это случится, понятия не имею, что я буду делать.

Перед тем, как бросить все ради Сэма, я арендовал комнату размером с коробку в спаренном доме. Меня нет уже четыре недели, рента осталась не оплаченной, уверен, комната уже сдана, а вещи вышвырнуты. Все мое имущество спрятано в стоящей рядом с постелью Сэма сумке. Да и сердце спрятано там же.

На пути обратно в больницу отец ошибается поворотом, и в конечном итоге мы проезжаем весь огражденный стеной городок, улицу с мексиканским кафе. Минуя заведение, не могу на него не смотреть, желудок скручивает узлом.

За стойкой сидит угрюмый Саймон и читает журнал.

Если б мы здесь не остановились, ничего бы не случилось, у меня не было бы времени поразмыслить, а Сэм был бы всего лишь телом в моих руках, лицом, о котором я грезил бы, болью, которую никогда бы не сумел исцелить. Может, я лежал бы рядом с ним и ждал, пока ветер развеет меня, как семена полевых цветов, по той поляне возле моря.

А, может, так и будет.

Глава 15

До начала посещения остается полчаса, и заняться особо нечем, кроме как сидеть в больничном кафе и ждать. Родители остаются со мной. Хотят повидаться с Сэмом, раз уж он пришел в себя. Думаю, они хотят показать, что переживают за него, и знаю, ему это нужно. Не совсем понимаю, для чего они это делают... Видят, что он мне не безразличен? Он им нравится такой, какой есть?

Мне больше по душе последнее. Мне предпочтительнее, чтоб он осознал.

Могу думать лишь о том, как войду в палату, задвину больничные шторы вокруг кровати Сэма и заберусь к нему под бок. Хочу без слов продемонстрировать свои чувства. Хочу интимности. Хочу прикосновений к коже. И дело тут даже не в сексе. Мне нужен он. Хочется показать, что иногда жизнь — прекрасная штука.

— Что Сэм любит читать? — выдергивая меня из размышлений, будничным тоном спрашивает мама.

Сегодня она выглядит превосходно, вся такая сияющая, волосы отливают чистым золотом. Чувствую себя в безопасности рядом с ней, рядом с сидящим поблизости отцом, они оба спокойны и уравновешенны.

— Я собираюсь в магазин. Как считаешь, ему больше понравится журнал или книга?

— Журнал, — тараторю я. — Он любит природу.

Как же мало мне известно о том, что он любит, а что — нет. И как мало он знает обо мне.

По пути в палату встречаю Джуди. Она сообщает, что пришли результаты сканирования Сэма, и к нему должен был зайти консультант. Я даже не знал, что у него было сканирование.

Родители проводят с Сэмом лишь полчаса, после чего тактично уходят. Симпатичный медбрат, которого я встретил в первый день, говорит, что вечером Сэма вновь переведут, на этот раз в обычную палату. Каждый крошечный кусочек положительной информации по ощущениям напоминает туман, что уничтожает мои мысли. С улыбкой на лице медбрат наблюдает, как я задвигаю штору вокруг постели Сэма.

— Спасибо, — одними губами произношу я.

Решаю поговорить с Сэмом напрямую. Если его переводят в обычную палату, значит, ему должно становиться лучше. И так видно, что ему лучше, но верить в это страшно. Две недели назад он умирал у меня на глазах.

Лежа на постели, мы прижимаемся друг к другу, головой Сэм устраивается на моем плече и поворачивается ко мне спиной.

— Ну, и что сказал консультант? — ласково интересуюсь я, почти касаюсь губами его уха.

Он оглядывается на меня, изучает мое лицо и лишь потом отвечает.

— Я не работаю, — беззвучно откликается он.

— В смысле не работаешь?

— Кое-что внутри меня сломано. Я сломан.

Отворачивается. Беседа окончена.

Через больничную рубашку провожу рукой по его ребрам и вижу, как он зажмуривает глаза. Мечтаю, чтоб он посмотрел на меня.

— Поговори со мной, — бормочу я и прижимаюсь лицом к его шее, чувствую губами пульс, но не целую. Пока нет. Мы стали ближе, но границ не пересекали. По прошествии нескольких секунд отстраняюсь и смотрю ему в лицо. Раньше я никогда не требовал от него общения. Не то чтоб это было требование, скорее желание убедить.

В конце концов, он качает головой, но на меня по-прежнему не смотрит. Кровь болезненно пульсирует в ушах, иногда его тайны и секреты сложно снести.

Он отодвигается от меня и на языке жестов спрашивает:

— Зачем ты здесь? Только честно.

Его вопрос застает меня врасплох. Близостью я надеялся укрепить его доверие.

Сглатываю и сажусь.

— Ты хочешь, чтоб я был здесь?

— Все так просто? Чего я хочу? — жестами отвечает он, на лице разочарование.

— Да. — Не понимаю, что он хочет сказать.

— Пока не нарисовался кто-нибудь получше. — Он отворачивается и таращится на кресло.

— Что?

Он оборачивается, на лице и в глазах виднеется эмоциональная смесь из обиды и гнева, и чего-то еще, чего-то холоднее. Может, сожаления.

Не хочу, чтоб он так на меня смотрел.

— Я хотел тебя, а ты пошел и трахнул едва знакомого человека.

От слов внутри все скручивается, они словно колючая проволока. Хочется покачать головой, но он прав. Именно так я и сделал.

— Я был напуган, — шепчу я. — Говорил же.

Но я вижу, что ему вообще плевать на сказанное мной.

— То есть сейчас ты меня хочешь? Или попозже? Или на следующей неделе? В следующем году? Никогда? — Он моргает. По щекам катятся слезы, но он негибает. — Мне нужно знать, чтоб я сумел подготовиться.

Обхватываю его лицо ладонями.

— Прости. Мне очень жаль. Извини, что бросил тебя в тот вечер в общине. Извини, что я трахнул Алекса. Извини, что я нарушил обещание.

Его плечи содрогаются, притягиваю его к себе и крепко обвиваю руками. Он пахнет так правильно... Не могу объяснить.

— Алекс был ошибкой, — прижимаясь к его шее, говорю я. Слова подбираю с трудом.

Внезапно он отстраняется.

— Я тоже был ошибкой?

Не могу разрешить заглянуть в глубины моей души, но и обманывать не хочу. Есть некая свобода в том, чтоб наконец-то вот так с ним говорить, особенно после того, как я убедил себя в общении без слов.

— Тот первый раз в амбаре был ошибкой... То есть я не планировал, что все произойдет именно так. *Ты* не был ошибкой. У нас с Джо были свободные отношения, но самого себя я воспринимал как изменника. Сначала я не понимал почему, но именно мои чувства к тебе делали из меня изменника, не важно, был у нас секс или нет. И как только мы сблизились, начало казаться, что, находясь рядом с Джо, я изменял *тебе*. Но в то же время это пугало. — Я заикнулся на мысли, что был влюблен в Джо, и никак не мог разобраться, что на самом деле все было с точностью до наоборот.

— Не понимаю, — жестикулирует Сэм, а когда я пытаюсь его коснуться, он так резко отскакивает, что почти падает с постели.

— Я пытаюсь показать. — Протягиваю руку. Он не принимает, и я опускаю ее на постель.

— Ты бросил меня в общине! — Он всхлипывает. — Мой приход в библиотеку был способом попроситься. Самым лучшим способом. Хотелось увидеться с тобой в последний раз. Мне думалось, что твое предложение остаться со мной было несерьезным, но когда ты остался, я понадеялся, что тебе хоть чуточку не начхать. Надеяться было тупо, но все-таки. А потом ты...

— Пожалуйста. — Тяну к нему руки, но, как по заказу, симпатичный медбрат

отдергивает штору.

Сползаю с кровати. Не могу продолжать перед аудиторией. Мне невыносимо видеть слезы Сэма.

— Все хорошо? — задает вопрос медбрат, хотя наверняка понимает, что нет. Киваю и спиной пячусь к двери.

Сэм сворачивается на боку и утыкается лицом в подушку.

Медбрат охает и оглядывает нас по очереди.

— Подумал, перед уходом вы захотите помочь Сэму в душе.

— Не сегодня, — отзываюсь я и, протолкнувшись мимо него, направляюсь к выходу из палаты.

— Хави.

Слышу Сэма, хотя его голос едва различим, останавливаюсь и оборачиваюсь. Меня это убивает.

— Отведи меня в душ, — жестами говорит он.

— Не сегодня, — в той же манере отвечаю я. Такое ощущение, что я уничтожен, обессилен, окоченел.

— Хочу поговорить.

Ну, и как ему откажешь?

В душевой, куда Сэм ходил вчера, стоит отвратительный запах. Сообщаю на рецепцию, что с сантехникой что-то не то, и мне разрешают вывезти Сэма из палаты и отправить в душевую этажом ниже. На протяжении всего пути мы не общаемся, но стоит взглянуть на его покрасневшие глаза, становится еще чуточку больнее.

Душевые кабины довольно просторные, я вкатываю туда кресло Сэма и приседаю перед ним на корточки. Таким образом я тоже попаду под водяной поток.

Не имея ни малейшего понятия, что сказать, вытаскиваю коричневый пакет из кармана и протягиваю.

— Открывать его показалось неправильным.

— Потому что я не умер? — вздергивая бровь, интересуется он.

Впервые я улавливаю нотку горечи. Усаживаюсь на влажный пол в душевой и прислоняюсь спиной к плиткам.

— Я облажался, Сэм. — Сознаться не проблематично. — Я налажал с тобой. Налажал с Джо. Налажал с родителями. — Уговариваю себя, что не тону в самобичевании, но, видимо, именно так и есть. Чуткок. — Просто хочется разгрести часть беспорядка. Вот и все. Хочу быть с тобой честен, как с самим собой, но если ты считаешь, что больше не сможешь мне доверять, скажи.

— Бесит эта штуковина, — жестикулирует он и, выбравшись из кресла-каталки, садится рядом со мной на влажные плитки. Вручает мне пакет. — Открой.

И я открываю.

Сказать по правде, все это время я знал, что там. Провожу пальцами по выцветшему золоту на разодранной красной обложке, по тонкому деформированному переплету. Открываю последнюю страницу и вижу написанное дрожавшей рукой имя.

— Прочитай на внутренней стороне лицевой обложки, — жестами произносит он.

Во время прочтения он наблюдает за моим лицом, смахивает мои слезы большими пальцами, а потом прижимается ближе.

«Тот день, когда я показал тебе книгу, был и днем, когда я отдал тебе свое сердце. Для меня всегда существовал только ты».

Слова написаны острым корявым почерком Сэма. Подавляю всхлип.

— Книга — единственная принадлежавшая мне вещь, которую я мог тебе отдать... Знал, что ты уловишь значение. Пожалуйста, оставь ее, — жестикулирует он.

— Как ты оказался в общине? — Слова вылетают сами по себе.

Никогда его об этом не спрашивал и ответа не жду, но Сэм смотрит на меня, словно взвешивает каждое слово, и лишь потом открывает рот.

— В Иране мы жили в небольшом каменном доме возле реки. Однажды я играл на улице и увидел, что вдоль берега на коленях стояли люди из нашей деревни. Солдат подходил со спины и расстреливал одного за другим. Моего отца забрали солдаты. Мать испугалась, и ночью мы сбежали. Пересаживались из одного грузовика в другой и через несколько недель оказались в Англии.

Хочу знать больше, но перебивать не собираюсь. Еще ни разу он мне столько не рассказывал.

— Она попросилась работать на ферму, но мы никому были не нужны. Потом мы отыскивали общину. Вскоре после приезда она заболела и умерла в фургоне.

— В фургоне, в котором ты жил?

Он кивает, стеклянными глазами глядит на плитки позади меня.

— Тревис помог ее похоронить. Чувствовал себя виноватым. И ни разу не попросил меня уйти. Мы похоронили ее в поле. Я посадил там цветы.

— Как долго она болела?

Сэм пожимает плечами.

— Не знаю. Недолго. Когда заболел сам, я знал, что болезнь та же самая. Понимал, что умру так же, как и она.

— Тревис помог отвезти ее в больницу?

Сэм качает головой.

— Мы не могли поехать в больницу. Мы не должны были находиться в этой стране. Она не должна была работать на Тревиса. Он нажил бы себе проблем, а нас отправили бы обратно в Иран. Она говорила, что, если нас вышлют в Иран, мы погибнем. Мы не могли туда вернуться. Она говорила, что, когда ее не станет, я должен остаться в Англии. Сказала, что, если вернусь в Иран, меня убьют.

Склоняю голову.

— Мне жаль. Так ты поэтому не хотел ехать в больницу? Боялся депортации в Иран?

— Нет. — Сэм глядит на меня, интенсивность больше не пугает так, как раньше. — Я от всего устал. Очень устал от одиночества. Легче все отпустить, когда не за что цепляться. Жив я или нет, ты все равно уйдешь.

— Никуда я не уйду! — Понятия не имею, как ему показать, что я серьезен. — Я здесь. И ты не один. Ты не должен быть один. Что бы ни случилось, я с тобой. Я хочу остаться с тобой. — Опускаю взгляд на руки. — Ты мне веришь?

Он всматривается в меня.

— Хочу поверить, — губами произносит он.

— Но боишься, так?

Он кивает.

— Я покажу тебе. Докажу тебе, клянусь. — Беру его за руку. — Расскажи, что говорил консультант.

Минуту Сэм хмурится и кусает губу, не в силах скрыть разворачивающуюся в глубинах янтарных глаз войну. И, в конце концов, жестами отвечает:

— До конца жизни мне нужно делать диализ. Требуется пересадка. За мной нужно ухаживать... Тебе стоило меня отпустить.

— Не вариант. Хочу за тобой ухаживать. — Сглатываю все эгоистичные эмоции, что угрожают перевести все стрелки на меня: мой шок, мое горе.

Сейчас мы рядом. Мы живы. Мы сумеем справиться с чем угодно, как бы ни было сложно. Я больше не стану сдерживаться. Наше проведенное вместе время слишком важно, слишком драгоценно.

Возле двери на стене высоко висит полка. Поднимаюсь и кладу на нее книгу. Потом включаю теплую воду и усаживаюсь, переплетаю наши с Сэмом пальцы, а вода, будто летний дождь, впитывается в нашу одежду.

— Поцелуй меня, — ласково прошу я, лгну к нему и касаюсь губами. Привлекаю Сэма ближе, и мы вместе перемещаемся из-под бурных брызг.

— Не поступай необдуманно, — бесшумно говорит он, взгляд умоляющий. — Только на полном серьезе.

Целую его в приоткрытые губы и слышу, как он ахает, наши языки соприкасаются. Задняя часть рубашки приоткрывается, и я слегка поглаживаю кончиками пальцев его кожу. Вода приглушает издаваемые нами звуки.

Все, что мы делаем, — это целуемся и целуемся. Все, что делаю я, — это с каждой проходящей секундой влюбляюсь в него чуточку сильнее. Невозможно чувствовать столь глубоко. Не понимаю.

Хочу стать водой, что льется на нас, воздухом, которым мы дышим, бегущей по нашим венам кровью. Только вот промок я настолько, что кажется, будто меня заковали в отяжелевшую одежду. Не отрываясь от него, расстегиваю пуговицы на рубашке и, изогнувшись, снимаю. Сэм седлает мои колени и, зажмурив глаза, углубляет поцелуй, от чего я издаю стон и подаюсь бедрами вверх. Мягкими как перышко пальцами он поглаживает мое лицо, мои волосы.

На краткий миг отстраняюсь и перевожу дыхание.

— Уверен, что этого хочешь? — тяжело дыша, шепчу я.

— Я всегда этого хочу, — губами отвечает он и впервые за долгое время улыбается.

Слова поражают меня, по позвоночнику будто пропускают восхитительный электрический разряд, и, глядя на него, я прикусываю губу.

— Сними рубашку, — ласково произношу я.

Не отрывая от него глаз, поднимаю руку и делаю воду теплее.

Мы путаемся в завязках на рубашке, и, в конце концов, он стягивает ее через голову.

Не то чтоб раньше я не видел его обнаженным, но мне хочется смаковать этот момент. Момент, когда я принадлежу ему, а он — мне. Влажные волосы падают ему на глаза. Он худющий, весь в синяках, а на нижней части спины — я не вижу, могу лишь чувствовать кончиками пальцев — повязки в тех местах, куда вставлялись трубки. Никогда не видел никого столь прекрасного, столь идеально мне подходящего. Человека, ради которого я без вопросов отдал бы жизнь.

Вода сбегает по нему сотнями ручейков, каждый хочется догнать языком. Грудь и шея покрыты легким румянцем. Прослеживаю пальцами контуры и наблюдаю за тем, как закрываются его глаза, а от ощущений и без того набухший член наливается еще больше. С ним так легко.

Сдвинувшись, широко раздвигаю ноги. *«Мне реально стоило снять ботинки»*, — отстраненно думаю я и вышвыриваю их за дверь. Сэм приникает ко мне и целует, и на какое-то время я вообще перестаю мыслить.

Раньше я переживал, что Сэм запал на меня, лишь потому что больше никто не дал ему шанса. Раньше я считал, что иногда улавливающимся напряжением во взгляде он всего-навсего передавал те эмоции, которые не мог показать другим. Больше я так не считаю.

Его пальцы танцуют по моей груди, и я замираю. Сейчас вода едва капает, но в помещении тепло. Он вглядывается в меня, а я ему позволяю. Не хочу ничего прятать. Никогда раньше я не наслаждался пристальными взглядами, но мне хочется, чтоб он узнал меня, касался меня как никто другой.

— Приляг со мной, — беззвучно изрекает он, пальцы возятся с пуговицами на моих

джинсах. — Будь со мной.

— Хочешь, чтоб я кончил?

Огненный румянец окрашивает его щеки, и он отводит взор, густые ресницы на фоне кожи кажутся темными.

«Как же прекрасен».

Из рубашки делаю подушку для его головы, и мы неуклюже и неудобно ложимся на бок лицом друг к другу, но, как бы то ни было, даже это идеально.

Поднеся его ладонь к губам, целую пальчики, потом отпускаю и, отодвинувшись, резко приспускаю брюки по бедрам.

Он ласкает себя и сосредоточенно разглядывает мой член, от чего я возбуждаюсь как черт знает кто. Улыбаясь, убираю его руку и рисую спирали на ребрах, кружу по соскам — дразню. Полуприкрытыми глазами он отслеживает каждое движение и подается навстречу прикосновению, словно ему нужно еще и еще, и еще.

— Скажи мне... чего ты хочешь, — шепчу я и, делая паузу между словами, облизываю линию подбородка.

Но вместо того, чтоб сказать, Сэм бессвязно бормочет, дотрагивается до меня, притягивает ближе.

Припадаю к пульсирующей точке, спускаюсь ниже и покусываю сосок. Прячу лицо у него в подмышке и чувствую, как всем телом он содрогается и извивается. Вот чего я хочу. Хочу его полностью.

Медленно большими пальцами провожу вверх-вниз по эрегированному члену, выискиваю намеки, насколько он близок. Рот его приоткрыт, голова откинута назад, глаза крепко зажмурены. Продолжаю работать обеими руками, встречаю едва уловимые движения его бедер и позволяю толкаться с кулак, давление настолько мощное, что должно быть немного больно. Сэм хватается ртом воздух, а затем на несколько секунд вообще перестает дышать, и теплые струйки снова и снова бьют мне в руку.

Он открывает глаза и смотрит на меня одурманенным взором, бедра все еще двигаются. Пальцы от спермы скользкие. Хочу покрыть его ею с головы до ног. Как и себя.

Удерживая мой взгляд, он берет меня за липкую руку.

— Ты, — говорю я, а он просто улыбается и сплетает наши пальцы.

Он чересчур расслаблен, чтоб смущаться. Подношу наши соединенные руки к своему члену, мне нравится скользкое ощущение, нравится, как он сонно мне мастурбирует. Я не стараюсь продержаться подольше. Не смог бы, даже если б захотел. Я даже не смотрю на наши руки. Визуальный контакт с Сэмом уничтожает меня. Черт, как все это интимно. Даже на секунду не отрывая от него глаз, склоняю голову. Приоткрываю рот, вдыхаю его воздух, чувствую взаимосвязь с чем-то фундаментальным и нужным, и ослепляюще ярким.

«Ох, — думается мне. — Ох, блин».

После, свернувшись калачиком, мы лежим в душевой. Сэм рисует узоры на моем перепачканном животе, а я пробегаюсь пальцами вверх-вниз по его спине. Капли из душа в гипнотическом ритме, подобно дождю, стекают по его бедрам.

— Должно быть, это был лучший секс в самом худшем месте за всю мою жизнь, — в конце концов, произношу я, а Сэм тихонько фыркает, его теплое дыхание согревает мой живот.

Заметив, как он шевелится, я предлагаю привести себя в порядок. Заворачиваю его в пушистое больничное полотенце, выданное симпатичным медбратом, и натягиваю свою промокшую одежду. Осознаю, что мое оправдание о внезапном падении в душе никого не обдурит, но мне глубоко плевать. Очень-очень глубоко.

Я завязал с половинчатыми жестами, завязал с отрицанием. Хватаю то, что у меня

есть. Даже если все, что у меня есть, — это шанс.

Шанс — это все, что есть у каждого из нас. И я охренеть как за него благодарен.

Глава 16

Проходят две недели. Сэм становится сильнее. Крепнет настолько, что совершает короткие прогулки по заросшему травой больничному саду. Здесь нет полевых цветов, зато есть небо и солнышко, и дрейфующий аромат лета. Мы находимся на улице как можно дольше. Сэму нравится бывать на свежем воздухе. Он наблюдает за птичками.

Сегодня в половине третьего у него встреча с консультантом. Мы сидим на единственной скамейке в саду, спины припекает летнее солнышко, руки крепко сплетены. Смотрим, как на часах в моем телефоне тикают минуты, словно обратный отсчет до взрыва бомбы.

В два двадцать пять Сэм отпускает мою руку и поднимается. Отбрасывает локон непослушных черных волос, что упал ему на глаза, а потом жестами изрекает:

— Уверен, что хочешь пойти? А если скажут, что жить мне осталось месяц или около того?

Иногда кажется, будто Сэм создан из противоборствующих сил: одна его часть боится смерти, а вторая боится жизни. Но опять-таки разве не все мы такие?

— Что бы ни случилось, мы со всем будем справляться вместе, ясно? — Протягиваю ему руку, и он меня поднимает. — Идем.

Часом позже мы упаковываем его скудные пожитки в вещмешок, купленный мной в ближайшем благотворительном магазине, ждем бумаги на выписку и рецепт на лекарства, которые ему наверняка придется принимать до конца жизни.

Но все затмевает испытываемое мной облегчение из-за того, что ему позволено покинуть больницу. Надеюсь, Сэму тоже стало легче.

О сроках консультант ничего не сказала, только что Сэм внесен в список ожидания на пересадку, и три раза в неделю ему нужно приезжать в больницу на диализ. Она поинтересовалась, где Сэм будет жить, а я ответил, что он поедет со мной домой к моим родителям. На время. Пока я не подыщу место, которое мы сможем звать домом. Перед нашим отъездом она заполнила бумаги, мы должны будем их передать в ближайшую больницу. И на этом все.

Сидя на кровати, наблюдаю за тем, как Сэм пытается натянуть тонкий свитер на футболку.

— Я куплю тебе поляну возле моря, — говорю я.

Сэм стаскивает свитер с головы и испуганно на меня смотрит. Несколько недель назад я бы сам себе не поверил, но сейчас понимаю: возможно все. Нужно отбросить свои убеждения, выйти за их пределы навстречу устрашающей неизвестности и разглядеть, что же есть на самом деле.

Возможно, он видит, насколько я изменился.

— Община была возле моря, — в конце концов, жестикулирует он.

Он садится на кровать рядом со мной и таращится на руки. Бывают моменты, когда мне кажется, что он расскажет больше о случившемся, о своей матери, об Иране и солдатах, но еще я понимаю, что говорить ему об этом сложно. Если он ничего больше не расскажет, это ничего не изменит. Некоторым историям не суждено быть пересказанными.

— Хочешь вернуться в общину? — спрашиваю я.

«Мы могли бы», — мысленно отмечаю я. Сэм мог бы навестить место, где похоронена его мать. Мы могли бы отправиться туда и попрощаться с кое-какими гнетущими призраками. Мне больше не страшно. Я поеду с ним куда угодно.

Сэм качает головой.

— Нет, — улыбаясь, жестикулирует он. — Поле — это всего лишь поле. Море — всего лишь море.

Не совсем понимая, что он имеет в виду, беру его за руку и, опустив на свое бедро,

сжимаю.

— Хочешь попрощаться с больничным садом? — интересуюсь я.

Как никогда я решительно настроен покинуть эту палату, двигаться дальше, рассказывать нашу с Сэмом историю и при этом держать его за руку.

Он кивает.

— Я готов идти, — беззвучно говорит он.

Глава 17

Вот она тропинка, что бежит к морю по поляне слегка покачивающихся на ветру полевых цветов. Солнышко светит, а небо похоже на глубокие бирюзовые воды.

Нахожу идеальное местечко на хребте холма и усаживаюсь, пытаюсь читать маленькую книгу, которую везде таскаю с собой — обложка разодрана и потрепана, золотистые буквы поблекли. Мне нужна частичка Сэма, особенно когда его самого нет рядом. Представляю его улыбку, когда правильно понимаю словечки, которым он меня учил, или его добродушный тихий смех, когда выходит у меня кошмарно.

Я работаю на полставки в книжном магазине в городке своего детства, а оставшуюся часть времени вместе с Сэмом занимаюсь волонтерством в ближайшем приюте для животных. Наша совместная работа — его забота о больных и травмированных созданиях, помощь другим волонтерам, приобретение уверенности и блеска — наполняет меня чувством благодарности за то, что он есть в моей жизни. Он самый добрый человек из всех моих знакомых, и ради него мне хочется стать лучше. Хочется стать человеком, которого он заслуживает. Время от времени, когда Сэм отправляется в больницу на диализ, я беру на прокат машину и еду искать нашу поляну.

Кажется, сегодня я ее отыскал.

Не совсем понимаю как. Я заблудился, пока ехал по извилистым проселочным дорожкам, несколько раз ошибочно свернул на узкие тропки и неожиданно заметил, что передо мной раскинулось море. Словно я приехал на край света. И вот я здесь.

В бухте стоят лодки — маленькие крупинки, что сверкают и блестят чистотой под сентябрьским солнцем, одинокие, раскачиваются на волнах и тем не менее совершенно свободные.

Оглядываясь по сторонам, делаю несколько снимков на телефон. Пытаюсь отправить их Сэму, но мобильный сигнал здесь не ловит, это место очень далеко. Окруженный кроваво-красными цветами, ложусь и смотрю, как мимо дрейфуют облака. Но надолго не остаюсь.

Во время длительной поездки до родительского дома начинается дождь. Приезжаю я поздно и психую сильнее, чем хотелось бы. Даже восторг от найденной поляны затухает.

В общем, я отыскал поляну. Понятия не имею, кому она принадлежит и принадлежит ли в принципе. Ну, выясню я, дальше что?

В гостиной по-прежнему горит свет. Знаю, Сэм будет ждать. Все, чего мне хочется, — добраться до дома, рухнуть в его объятия, позволить ему утянуть меня в постель и лечь спать.

Но когда я открываю дверь, кажется, никого нет, в доме царит умиротворяющая тишина. Вешаю пальто на крючок и снимаю ботинки. Может, сегодня диализ отнял у Сэма много сил, и он уже спит? Стараюсь подавить разочарование.

Вскидываю глаза, и меня почти что до смерти пугает фигура на ступенях. Аккуратно обстриженные волосы, нерешительная улыбка и самые душераздирающие подведенные краской для век глаза.

— Твоя мама водила меня к парикмахеру, — жестами говорит Сэм и неуверенно шагает ко мне. — Тебе нравится?

Безмолвно киваю.

Мы живем здесь уже месяц. Сэм по-прежнему много спит, но сейчас он гораздо крепче, чем был. И в подобные моменты он светится, сияет, словно внутри горит яркий свет.

— Чересчур изменился? — спрашивает он и, встав передо мной, кусает губу.

Знаю, его смущает моя реакция, но открыть рот и сформулировать связное предложение невозможно. Колени слабеют.

— Нет, — каким-то чудом произношу я. Не могу оторвать от него глаз. — Как сегодня прошло в больнице? — Пауза. — Выглядишь шикарно. — Слова вылетают сами по себе. Я наверняка краснею.

Сэм улыбается, медленно моргает — нарочито медленно.

Черт, эта подводка.

Беру его за руки — пальцы холодные. Его пальцы всегда холодные, как и ступни. Обожаю подносить их к губам и согревать.

— Для тебя, — жестикулирует он. — Подумал, тебе понравится.

И это слабо сказано.

Он прислоняется лбом к моему плечу. Его дыхание такое теплое, чувствую его даже через рубашку. Пребывая в состоянии изумления, провожу пальцами по обнаженной коже на шее — по всем этим изысканным тонким линиям, которые я мог бы проглотить целиком.

— Подводка тормозит работу моего мозга, — бормочу я. — Родители дома?

Он поднимает глаза.

— Ушли поужинать. Вернутся поздно, — жестаи произносит он. — Отведи меня в постель.

Зажмурив глаза, притягиваю его в объятия и крепко держу.

— Я нашел нашу поляну, — шепчу я и губами прижимаюсь к его уху. Знаю, я не должен рассказывать о подобных вещах, пока не выяснил про наличие возможности, но даже если ее и нет, мы все равно можем туда поехать. — Отыскал место, где мы сможем лежать на спине посреди травы, маки будут раскачиваться, солнышко сиять, я смогу петь глупые песни во всю мощь своего голоса тебе и темно-бирюзовому небу. Как я и говорил несколько недель назад.

До меня даже не доходит, что я плачу. Сэм делает шаг назад, проводит подушечкой большого пальца по грубой щетине на моей щеке и тревожно в меня всматривается. Красота глаз делает его эфирным и далеким, он слишком идеален для того, чтоб стоять со мной в этой комнате.

— Почему ты расстроен? — жестаи спрашивает он.

— Извини, — отзываюсь я и стараюсь улыбнуться. — Кажется, я счастлив.

Это правда, хотя в то же время мне больно. Поразительно, насколько мне больно. Возможно, истинное счастье всегда с горьковатым привкусом. Или, возможно, меня просто-напросто пугает, что все это нереально. Что я не заслуживаю всего того, через что вынудил его пройти.

Сэм берет меня за руку и осторожно тянет, и я следую за ним. Он ведет меня вверх по ступеням, а потом в нашу комнату. Дверь с мягким щелчком закрывается.

В комнате опрятно и чисто, и очень тепло, покрывало на огромной деревянной постели откинута в приглашении. Сэм пихает меня к двери, указывает оставаться на месте.

— Смотри, как я раздеваюсь, — жестикулирует он.

За прошедшие несколько недель он стал смелее. Каждый шаг делается для того, чтоб мне угодить, и меня пугает, насколько мне хочется угодить ему.

Он смущенно стягивает футболку. Вытянув руки над головой и выгнув спину, он кидает мне футболку, наблюдает за моей улыбкой. Подбираю ее с пола, подношу к лицу и, прикрыв глаза, вдыхаю теплый аромат.

Сэм всегда сомневался в собственной привлекательности, но ему известно, что я люблю застенчивость и люблю кокетливость.

Возможно, однажды ему удастся поверить, что никто никогда не заводил меня так, как он.

Он отворачивается и, стянув брюки, вышагивает из них. Белье он никогда не носит. Упиваюсь выступающим позвоночником, крепкими округлыми ягодицами. Повернув

голову, он робко глядит на меня через плечо. И я набрасываюсь на него, пригвождаю к кровати лицом вниз и чувствую, как он тихо и восторженно хохочет.

Больше всего остального он любит заигрывания.

Вся эта открытая кожа вокруг лица и шеи... Не могу перестать ее касаться, смотреть, влюбляться в получившиеся изменения. Я могу видеть его уши. Раньше у меня не было возможности их видеть. Я безмолвно шепчу ему на ухо. Пальцы больше не путаются в его волосах, они снова и снова выskalывают. Прижимаюсь губами к шелковистой мягкости, чувствую аромат кокоса и вбираю прядки в рот, а Сэм приподнимает бедра и ерзает по кровати.

Освободившись от рубашки и брюк, дотрагиваюсь до него всеми возможными способами. Мы перекатываемся, вытягиваемся, переплетаемся конечностями, кожа к коже, блаженство.

Губами касаюсь его кожи — исследую каждый миллиметр. Он со вкусом секретов. Его теплое доверчивое тело будто растворяется.

Он пихает мне в руку бутылку лубриканта, и я хохочу над его настойчивостью.

— Возьми меня, — беззвучно просит он, расставляет ноги шире.

Кончиком члена провожу по его входу и чувствую, как он содрогается всем телом. Предвкушение сводит его с ума. Он раздвигает ягодицы и кусает простынь. Закрываю глаза и задумываюсь о грохочущем по окну дожде, о луне и звездах, но не помогает. Хочется прижаться к нему. Просто хочется кончить.

— Расслабься, все хорошо, — шепчу я, ладонь ложится ему на спину, словно неймется только ему одному, а Сэм злобно зыркает на меня сощуренными глазами.

Осторожно разрабатываю его пальцами, он безостановочно извивается, вскидывает бедра и елозит членом по простыни. Завестись сильнее просто нереально.

Переворачиваю его и, наклонившись, припадаю к нему губами, меня окутывает его тепло. Он тянет меня на себя, и я чувствую с ним связь, чувствую себя его частичкой, никогда мне не захочется никого другого.

Секунду мы оба не дышим. Оба не шевелимся.

Сэм поворачивает голову, мы смотрим друг на друга, и он изрекает одними губами: — Это.

Киваю. *«Да. Это»*.

— Ты — моя поляна, мое небо, мои цветы, — бесшумно продолжает он. — Самое главное — быть с тобой. Больше ничего мне не нужно.

Привлекаю его ближе. Он прав. Я за что-то цеплялся, боялся отпустить.

Сэм не умрет в поле. Наше путешествие там не завершится.

Мы — поляна полевых цветов. Мы — небеса. Мы — море. Мы — этот момент, и этот момент наш. И так будет всегда.

Если мы не напишем свою собственную историю, слова утащат нас на дно.

Двигаю бедрами, подаюсь назад и погружаюсь в него снова и снова. Мы даже не целуемся, лишь вбираем воздух друг друга короткими резкими вдохами.

Мы — это сейчас. Мы — все вот это.

— Еще, — содрогаясь, губами говорит он.

— Еще, — вторю я.

Знаю, он близок. Прекрасный темный взгляд сосредоточен на мне, хочу закрыть глаза, но не выходит. Похоже на обещание. Будто мне хочется показать, каким я его вижу, мы оба — отражение друг друга. И вот мы уже не что иное, как момент чистой энергии, разбиваемся, содрогаемся и... исчезаем.

— **ФИНАЛ** —